

НИК ПЕРУМОВ

Приключения
МОЛЛИ БЛЭКУОТЕР

• СТАЛЬ, ПАР И МАГИЯ •

Приключения Молли Блэкуотер

Ник Перумов

**Молли Блэкуотер.
Сталь, пар и магия**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Молли Блэкуотер. Сталь, пар и магия / Н. Перумов —
«Эксмо», 2016 — (Приключения Молли Блэкуотер)

ISBN 978-5-699-90462-4

Двенадцатилетняя Моллинэр Блэкуотер возвращается домой, в Империю, из-за края своего мира – из загадочной земли «варваров» – Rooskies, которых Империя медленно, но верно вытесняет на север. Молли наделена опаснейшим даром магии, запрещённой в Империи, и носители этого дара подвергаются преследованиям Особого Департамента. Получится ли у Молли переиграть их? Ведь только так она может спасти себя, свою семью и верных друзей. Местом битвы становится родной Норд-Йорк – город, где соседствуют роскошь и нищета, военная мощь и шпионские интриги, громадные паровые машины и жуткая огненная тайна, живущая в подземельях. Но что делать, когда над близкими Молли нависает новая опасность, а против самой девочки выходят те, кто выше даже Особого Департамента? Сумеет ли Молли теперь выжить в собственном мире – в мире, где властвуют сталь, пар... и магия!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90462-4

© Перумов Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Синопсис, или	6
Пролог	9
Часть первая	17
Глава 1	18
Глава 2	35
Глава 3	44
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ник Перумов

Молли Блэкуотер. Сталь, пар и магия

© Перумов Н., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Посвящается замечательно пушистой бело-палевой кошке
Клеопатре, или попросту Клёпе, самой умной и храброй, послужившей
прообразом кошки Ди в этой книге...*

Синописис, или Что было раньше?,

В результате чудовищного Катаклизма, смешавшего страны, континенты, миры и времена, старая добрая Англия превратилась из острова в полуостров и вместо Шотландии оказалась связана с... чем-то очень похожим на Русскую равнину.

В мире царит эпоха пара, и властвует в этом мире Британническая Империя, владеющая многочисленными колониями в южных морях. В сердце же её – старое Королевство, сама Англия.

Но за северной границей Империи, за хребтом Карн Дред, живут странные и непонятные варвары, которых в Королевстве именуют Rooskies. У берега Северного моря, в устье реки Мьёр, лежит город Норд-Йорк, а в нём живёт девочка по имени Молли Блэкуотер, дочь почтенного доктора Джона Каспера Блэкуотера.

Королевство пребывает в страхе перед неведомой «магией», что может проявиться у любого человека. Магия поначалу даёт своей жертве силу исполнять мелкие желания (ну, скажем, чтобы у раздражающего соседа вскочил чирей на задку), а потом превращает в кровожадное чудовище, чтобы затем сжечь в огне страшного взрыва, что испепелит и самого несчастного, и всех, кто вокруг него.

Поэтому в Королевстве существует Особый Департамент, отыскивающий подобных личностей, наделённых магическими способностями, и делающий их безопасными для общества.

Любыми средствами.

Молли Блэкуотер была необычной девочкой. Она любила рисовать боевые корабли и бронепоезда, что воюют с варварами. Её семья была состоятельна, Молли отлично училась, и казалось, всё идёт как нельзя лучше, пока Молли не заподозрила, что у неё самой есть скрытые магические способности.

Она увидела во сне, как получает тяжкие повреждения бронепоезд «Геркулес», а потом узнала, что он и вправду был подбит, и притом именно так, как в её ночном видении.

Потом Билли, знакомый мальчишка, доставивший Молли эти вести, едва не попался на краже, и, спасая его от полицейских, Молли проделала нечто, весьма напоминавшее магию. В другой раз очень странным, почти необъяснимым образом спасла из-под колёс бродячую кошку. Кошка, кстати, оказалась отменной крысоловкой, так что мама даже разрешила Молли оставить Диану (так девочка назвала свою находку).

Но, спасая кошку, Молли привлекла внимание Особого Департамента. В тот момент ей помог скрыться пленный мальчишка-Rooskii, однако Департамент объявил охоту на Молли.

После того как офицеры Департамента явились домой к девочке, она поняла, что надо бежать.

Ей вновь помог тот самый мальчишка-Rooskii по имени Всеслав. Молли решила поступить юнгой на бронепоезд (разумеется, под чужим именем). Всеслав, судя по всему, успевший сбежать из плена, провёл Молли канализационными тоннелями к самым ангарам.

Молли и в самом деле удалось поступить юнгой на «Геркулес». Дело решило то, что старший боцман Барбара Уоллес и коммодор Реджинальд Картрайт увидели на её спине следы жестоких побоев. Сама Молли их не увидела и так и не поняла, откуда они взялись.

¹ Официальная страница автора Вконтакте: <http://vk.com/nickperumov>. Официальная группа автора Вконтакте: <http://vk.com/perumov.club>.

«Геркулес» выдвинулся для поддержки войск, наступавших на «варваров». Молли узнала о загадочной медведице Седой, что, по уверениям солдат, наделена поистине волшебными свойствами.

Во время жестокого боя Молли сумела ранить медведицу, которую до этого не брали ни пули, ни снаряды. Однако «Геркулес» оказался тяжело повреждён, а саму Молли похитили два зверя, волк и медведь.

Оказалось, однако, что это не звери, а брат и сестра, тот самый Всеслав, способный обращаться в медведя, и Таньша, вервольф, или, как она сама называла себя, «верволка».

Они доставили Молли в дом волшебницы «варваров», Предславы Меньшей, которая и объяснила, что Rooskies умеют подчинять себе магию, субстанцию несомненно опасную, но – не непобедимую. Предслава объяснила, что Молли тоже владеет магией, как и все люди, вообще все. И «варвары» не отпустят её, пока она не вернёт «долг крови», пока не сделает нечто, очень для них важное.

Всеслав, Таньша и Молли отправились за перевал, в земли Rooskies, к средней сестре Предславы, которой предстояло учить девочку. По пути оборотни показали Молли сожжённую солдатами Королевства деревню.

На перевале они трое еле прорвались через армейские кордоны. Прижимаясь к спине медведя-Всеслава, Молли слышала крики в свой адрес: «Ведьма! Убейте ведьму!»

Однако они проскользнули.

Там, за перевалом, Молли передали в руки средней сестры Предславы, целительницы. Она рассказала, что должна сделать девочка, чтобы вернуться домой.

Оказалось, что только она подходит, «словно ключ к замку», к очень сложному заклинанию, что должно успокоить грозящий гибелью всем землям «варваров» вулкан. После этого Молли было обещано беспрепятственное возвращение обратно в Норд-Йорк.

Но для этого ей следовало прежде всего научиться использовать магию...

К сожалению, уроки не продлились долго. Армия Королевства начала наступление, и Молли вместе с наставницей оказалась на передовой.

В бою с прорвавшимися бронечастями Империи Молли пустила в ход магию, чтобы предотвратить гибель госпиталя с ранеными воинами Rooskies.

Однако вырвавшаяся на свободу магия оказалась слишком сильна, и бой едва не обернулся для Молли гибелью. Девочку пришлось отправить к самой старшей из сестёр-волшебниц, ибо только та могла справиться с последствиями.

«Госпожа Старшая», как называла колдунью Молли, жила уединённо, дом её окружал частокол с насаженными на него живыми головами королевских стрелков и офицеров, имевших неосторожность оказаться у неё на пути.

Она и стала учить девочку.

Учение оказалось трудным, Молли частенько влетало за всякую провинность, но и тут тратить на уроки много времени оказалось невозможно. Вулкан пробуждался от эха магии Молли, от того самого её удара, которым она спасла обречённый госпиталь «варваров». Все чародеи Rooskies, оставив свои дела, собрались возле Чёрной горы, чтобы справиться с разбушевавшимся подземным огнём.

Во время проведения обряда огромными усилиями Молли удалось замкнуть их силы в цепь. Вулкан умили, но госпожа Старшая была тяжело ранена, защищая свою ученицу от неведомых «теней», нового и непонятного врага.

После этого Молли вместе с Всеславом и Таньшей отправилась на фронт. Ей удалось, используя магию, остановить прорыв бронесил Королевства, после чего армия Её Величества начала отступать обратно к перевалу.

Считая свой долг выполненным, Молли Блэкуотер возвратилась домой – до Норд-Йорка её провожали всё те же Всеслав и его сестра.

Однако в родном доме Молли ждала засада, устроенная Особым Департаментом. Девочка была схвачена.

Пролог

Оборотни в Норд-Йорке

Здесь всё чужое и пахнет чужим. Здесь снег грязен и обращается на закованной в камень земле в липкую, смешанную с гарью кашу. Здесь змеятся толстенные трубы, разветвляются, вздымаются, выныривая из-под ног скелетами мёртвых деревьев. Здесь ненавидяще шипит пар, прорываясь из-под вентиляей.

Здесь правят Железо и Пар.

Здесь подводят и глаза, и нюх. Инстинкты, выручающие в лесу, тут могут погубить.

Брат и сестра замерли на краю леса, пусть чужого, пусть под властью Короны, но всё-таки леса, не забывшего, кого он укрывал своими ветвями задолго до того, как здесь обособились подданные Её Величества.

Волк и медведь слились с густым подлеском. Небеса сеяли поздним снегом, зима и не думала уходить на покой; впереди Норд-Йорк светился бледными огнями газовых фонарей, острые глаза оборотней различали кольцо паровичков на самой окраине, где выгружался из вагонов отпахавший долгую смену работный люд.

Они не уходили. Не уходили и не перекидывались, молча укрываясь под снежными завесами, словно ждали какого-то им одним ведомого сигнала.

Волка недвижно застыла, припав к земле, снег запорошил шкуру, обращая оборотня в невидимку. В двух шагах пройдёшь – ничего не заметишь.

Медведь же, напротив, беспокойно мерил мягкой рысцой полянку, то вперёд, то назад. То и дело выглядывал через просвет в подлеске, туда, где темнели мрачные многоэтажные громады окраинных домов, обводил глазами желтеющие окна, где один за другим вспыхивали огни.

Таньша посматривала на брата, но молчала.

Оборотни ждали.

И, хотя именно медведь пялился всё время на поля, отделявшие кромку леса от городской окраины, первой вскочила на лапы Волка.

Опоздав всего на миг, замер, весь подобравшись и словно готовясь к броску, Медведь.

От окраинных домов Норд-Йорка, едва заметная в подступающих сумерках среди падающего снега, торопилась, мчалась, бежала, не щадя роскошной пушистой шубки, крупная бело-палевая кошка.

Таньша оскалилась, глухо зарычала, глаза Волки вспыхнули. Медведь нагнул голову, из пасти вырвалось злобное ворчание.

Кошка словно точно знала, куда бежать. Она не сбавляла скорости, она не глядела по сторонам, мчалась стремительно и к одной ей ведомой цели.

Оборотни встретили её у самой кромки леса. Кошка резко замерла, увидев их, спустя миг – так же резко мяукнула. Закружилась на месте, словно призывая идти за собой. Мяукнула снова, протяжно и горестно, словно заплакав.

Таньша яростно клацнула зубами. Медведь зарычал, размахнулся когтистой лапой – на стволе ближайшей сосны остались длинные царапины.

Кошка ещё раз крутнулась на месте, сделала несколько шажков к краю леса. Остановилась, обернулась, снова вопросительно оглянулась на оборотней.

Они в свою очередь переглянулись, и Медведь первым решительно вышел на открытое место.

До окраины Норд-Йорка они пробирались почти что ползком, какими-то рвами и канавами, пока под лапами кошки, медведя и волка не оказалась сырая брусчатка.

Вечер уже вступил в свои права. Оборотни и кошка остановились на задах высокого кирпичного дома, уродливого и узкооконного, с фасадом, оплетённым трубами паропроводов и железными скрепами пожарных лесниц. Все трое забились в самый глухой угол.

Кошка как ни в чём не бывало выбралась на середину двора. От помойки порскнуло несколько серых крысуков, но Ди не обратила на голохвостых тварей никакого внимания. Огляделась, мяукнула, словно давая добро.

В тёмном углу, где прятались оборотни, сгустился на миг плотный, непроглядный туман. А потом из него вышли двое – крепкий, рослый мальчишка-подросток, шириной плеч не уступавший взрослому, и стройная высокая девушка с тщательно убранными под шляпку волосами.

На них была обычная одежда городских низов Норд-Йорка. Длинные драповые пальто, сапоги и меховые полуботиночки, у девушки на шее висела муфта, мальчишка прятал широкие ладони в карманах.

Кошка Ди критически оглядела их с ног до головы, одобрительно мяукнула.

Таньша коротко взглянула на брата, слегка тронула его за плечо, и они оба двинулись к кольцу паровика. Кошка немедленно свернулась у Медведя за пазухой. На широкой его груди места было вдоволь.

На них не обратили внимания. Рабочий люд как раз проехал, разгружались последние припоздавшие. Усталые обитатели норд-йоркской окраины торопились добраться до своих квартирок, комнат и углов, повернуть краны паровых обогревателей, чтобы хоть ненадолго изгнать липкий и мокрый холод, проникающий, казалось, аж до самой сердцевины костей.

Предусмотрительно захваченная с собой в путь чужая одежда, которую Медведь всё это время таскал в своих сумках, позволила им раствориться в сыром городе. Брат и сестра так и не сели на паровик. Дворами и мусорными аллеями, переходя со «стрита» на «роуд» и обратно, меняя улицы, они медленно углублялись в город, старательно подражая во всём его обитателям. Очень помогало, что в Норд-Йорке жители закрывали низ лица маской или шарфом от вечной угольной гари, потому едва ли кто-то сумел вот так вот, походя, опознать в них обитателей земель, лежащих за Карн Дредом.

Тем не менее чем дальше уходили они от окраин, тем чаще поглядывали на них патрульные бобби. Брат и сестра одеты явно бедно, а направляются в богатые, благополучные, благородные районы Норд-Йорка... того и гляди, кто-то из полицейских мог проявить бдительность.

И Всеслав наконец решил не рисковать.

Он присел на корточки возле железного люка, что-то коротко звякнуло, и тяжеленная крышка откатилась в сторону. Брат и сестра бесшумно скользнули вниз по ржавым шатающимся скобам, не забыв аккуратно прикрыть за собой горловину канализационного колодца.

Воньшибанула в нос, заставив Таньшу шипеть и ругаться вполголоса. Всеслав остался молчалив, он быстро шагал вперёд, словно точно зная, куда им нужно. Тоннель разветвлялся, в него вливались другие, зловонные потоки нечистот устремлялись к несчастной Мьёр, однако оборотни старались ни на что не обращать внимания. Они шли молча и быстро, Диана порой высовывала усатую мордочку из-за пазухи Медведя и тотчас пряталась обратно.

Всеслав шагал с прежней уверенностью, как и в тот день, когда выводил Молли подземными коридорами к эллингу «Геркулеса». Во всяком случае, сперва.

Таньша же с каждым шагом хмурилась всё больше. Порой останавливалась, принималась совершенно по-волчьи. Потом тронула брата за рукав. Молча качнула головой, указывая на низкий и тёмный боковой ход.

Медведь тоже застыл, с шумом втянул воздух. Покачал головой, что-то негромко и вопросительно проговорил хриплым, едва слышным шёпотом.

Сестра Всеслава пожала плечами. Оба они застыли возле арки, вслушиваясь.

Таньша сделала движение, словно собираясь проделать то самое «локоть-ладонь-пальцы», но Медведь схватил её за предплечье, мол, стой, куда?

Не время.

Но дальше они шли куда осторожнее, часто замирали, прислушиваясь и приносясь у боковых ответвлений, словно ожидая нападения.

Но мало-помалу, видать, встревожившее их ощущалось всё меньше и меньше. И наконец пропало вовсе, осталось где-то там, за тёмными арками, – словно спящий зверь, так и не пробудившийся в тайном логове.

Таньша, в последний раз остановившись, медленно и с укором покачала головой, словно желая сказать: «Как же ты так?»

Медведь чуть виновато пожал плечами. Дескать, «всё же обошлось, не так ли?».

Сестра его фыркнула, и они двинулись дальше.

Наконец после долгого пути, занявшего не один час, Всеслав и Таньша остановились. До этого они шли в кромешной тьме, ни разу не споткнувшись и даже не замедлив шага; а теперь встали. В руке мальчишки родился огонёк, тёплый и желтоватый, словно цветок одуванчика летом.

Выведенная чёрными буквами, выцветшая надпись на цементе гласила:

Pleasant Street.

Оборотни замерли. Ди высунулась вновь, муркнула.

Всеслав медленно двинулся по отходившему боковому тоннелю, где пробираться уже пришлось, согнувшись в три погибели.

Таньша за ним.

На поверхность они выбрались, когда в Норд-Йорке уже властвовала ночь.

Весне уже давно полагалось бы зажигать снега, растапливать скопившиеся за долгую зиму сугробы, но казалось, что выюги и бураны решили в этом году остаться в городе аж до следующей осени.

Прижавевшая крышка поддалась не сразу, несмотря на всю медвежью силу. Брат и сестра оказались в глухом тупике, зажатом меж грязно-кирпичными стенами; над головами злобно и тонко свистел пар, выбиваясь из-под небрежно наложенной худой заплаты.

Оборотни вывернули на улицу.

Конечно, здесь, на Плэзент-стрит, фонарей было куда больше и горели они куда ярче; несмотря на поздний вечер, светились окна пабов и клубов, неспешно двигались локомотивы.

Всеслав и Таньша шли к дому номер 14, сестра держала брата под руку. На них посматривали, следовало торопиться.

...Возле дома досточтимого доктора Джона Каспера Блэкуотера стояло аж четыре локомотива с красно-бело-чёрными розетками. Особый Департамент не поскупился на людей.

Окна дома ярко освещены. Двери широко распахнуты. Туда-сюда бегают озабоченные люди в форме, глухо заливаются лаем несколько бульдогов на поводках и в шипастых ошейниках.

Всеслав потянул сестру за руку, они быстро перешли на другую сторону улицы. Собаки насторожились, шумно приносясь, но вожатые их были слишком увлечены другим.

Из распахнутых дверей одного за другим выводили домашних Молли. Зарёванного, ничего не понимающего брата. Бледную как смерть, шатающуюся гувернантку Джессику, что всё пыталась что-то пролепетать непослушными губами. Угрюмую и мрачную, но глядящую прямо и твёрдо Фанни. Растерянного доктора Джона Каспера, порывавшегося заговорить с надменным офицером Департамента с тремя розетками на шевронах.

Последней волокли маму Молли. Миссис Анна Николь Блэкуотер шаталась, двое департаментских держали её с обеих сторон; одна щека её носила алый отпечаток чужой пятерни – кто-то влепил ей пощёчину.

Их всех бесцеремонно запикивали в локомотивы, с лязгом захлопывая дверцы. Из труб вырывались клубы дыма, машины медленно трогались с места, шипя и выпуская пар. У раскрытого, выпотрошенного дома остался караул – трое полицейских и надутый, спесивый, словно индюк, департаментский, немедленно принявшийся отдавать напуганным бобби одну команду за другой.

Всеслав и Таньша прошли мимо, косясь, как и другие зеваки, но не задерживаясь.

На лице Медведя застыло странное выражение. Он словно окаменел, глядя прямо перед собой, но можно было не сомневаться – видит он сейчас куда больше, чем может показаться.

Таньша держала брата под руку, оживлённо размахивала другой – ни дать ни взять девушка, сходящая на удачное свидание. Она беззаботно крутила головой и даже что-то насвистывала.

Чего ей это стоило, сразу же сказала бы Старшая, не лежи та, вся израненная, в своём собственном доме далеко за Карн Дредом.

Пара миновала дом четы Блэуотеров, поднимаясь вверх по Плэзент-стрит. Всеслав явно знал, что делать и куда направляться; Таньша не задавала вопросов, она цепко и внимательно глядела по сторонам, и можно было не сомневаться – Волка крепко-накрепко запомнила каждый поворот, каждую аллею, каждый тупик и каждый люк у них по пути.

Плэзент-стрит кончилась, влилась в просторную площадь с собором и чахлым сквериком перед ним. Вечер всё сгущался и сгущался, людей на улицах становилось всё меньше, зато прибавлялось полицейских. Скоро бедно одетой парочке будет тут совсем неудобно.

Но Всеслав этого дожидаться не стал. Внезапно свернул с площади в небольшой переулок – чистый, тихий и аккуратный, с дорогими добротными таунхаусами по обе стороны, с парой открытых до сих пор кофеен – и решительно постучал в одну из дверей.

Три раза. Пауза. Два раза. Пауза. Вновь три.

Из-за плотно сдвинутых штор не пробивалось ни лучика, и довольно долго на стук Всеслава никто не отвечал.

Таньша даже нахмурилась и взглядом указала на соседнюю крышу... но тут дверь наконец дрогнула, щёлкнул один замок, другой, прошипел засов в хорошо смазанных петлях, и створка распахнулась.

Кошка Ди мягко соскочила с рук Всеслава и мигом исчезла в темноте.

Держа в мясистой, крупной, но подрагивающей пятерне неяркую свечу, на пороге дома застыл дородный джентльмен в запахнутом парчовом халате, что обтягивал внушительное пузо; по одутловатым щекам к подбородку стекали густые бакенбарды, из-под кустистых бровей пристально глядели маленькие глазки. Щёки хозяина были красны, зубы – жёлты от табака. Он был явно встревожен, в опущенной правой руке подрагивал револьвер с богатой отделкой вдоль ствола.

– Мистер Питтвик, – глядя ему прямо в глаза, негромко проговорил Всеслав. – Мы... есть приходить.

– Входите, живо, живо! – прошипел означенный мистер, поспешно захлопывая дверь у них за спинами. – Что вы себе думаете, совсем с ума сошли?! Вы хоть понимаете, чем рискуете?! Послали б весть обычным порядком, я бы сам пришёл...

По его вискам стекал пот.

– Входите, немедленно!

Он почти втащил брата и сестру внутрь.

– Мистер Питтвик, прошу прощения, но обстоятельства не оставили нам иного выбора, – вздохнула Таньша. – Не сомневайтесь, вы в полной безопасности. Нас никто не преследовал, за это я ручаюсь.

– Моя безопасность моей безопасностью, джентльмен рискует и не требует, чтобы при этом ему бы ничего не угрожало, – хмыкнул мистер Питтвик. – Я множество раз говорил – вас самих могут тут схватить!.. – Он покачал головой.

– Мы бы... хотели... – казалось, Таньша с трудом подбирает слова, – мы бы хотели передать вам снадобье. И... и вознаграждение за ценные сведения. Мы всегда держим данное слово.

– Держите-держите, это я и так знаю, – буркнул мистер Питтвик. – Даже себе во вред. Снадобье, не скрою, это хорошо, это очень хорошо...

– Вознаграждение тоже, мистер Питтвик.

– Пхе! – хозяин отмахнулся. – Гиней у меня хватает и так, а ваши деньги – вы же знаете – идут на стоящие дела. Впрочем, это уже не важно. Прошу вас, проходите, проходите! Прислугу я, хе-хе, как раз отпустил. Очень, очень удачно получилось. – Он поставил подсвечник на массивный комод, потёр волосатые руки. – Снимайте ваши кошмарные пальто! Мисс Таньша, вы, как я успел убедиться, наделены тонким вкусом, почему же вы избираете для прогулок по Норд-Йорку такой ужас? В нём, помимо всего прочего, ещё и небезопасно разгуливать по нашим кварталам!

Таньша с достоинством повела тонким плечом.

– Так было нужно, мистер Питтвик.

– Ну, коль нужно, значит, нужно, – сообразил толстяк. – Проходите, проходите! Мистер Всеслав? Про-хо-ди-те!

Медведь нахмурился, встряхнулся, сбрасывая оцепенение.

За богатой прихожей с тёмными резными панелями морёного дуба на стенах открылась гостиная с уютно потрескивающим камином. Здесь стояли массивные высокие кресла с полосатой обивкой; меж окнами примостился диван с низким кофейным столиком; по стенам горели газовые рожки, давая яркий белый свет.

Висело много портретов и фотографий в овальных рамках, виселся у дверей, что вели дальше в глубь дома, высоченный, под потолок, книжный шкаф, заставленный увесистыми томами.

Мистер Питтвик небрежно положил револьвер на бюро.

– Присаживайтесь, мисс, и вы, мистер. Я так понимаю, случилось нечто экстраординарное, иначе вы передали бы эликсир обычным способом. Пойду, пожалуй, поставлю кофейник, ничто так не способствует беседе, как чашечка ароматного кофе моей собственной варки. Или вы предпочтёте чай, мисс Таньша? Вы, мистер Всеслав?

– Совершенно неважно, мистер Питтвик. На ваш вкус.

– Тогда кофе, – решил хозяин. – Только что доставили свежую партию зёрен, обжарка особенно хороша! Располагайтесь, располагайтесь! Свежие газеты... ах да, мистер Всеслав ведь не читает...

Мистер Питтвик скрылся в направлении кухни, где немедленно что-то зашипело и забулькало.

Всеслав осторожно, словно боясь что-нибудь сломать, аккуратно уселся на край дивана; казалось, он готов сорваться с места в любой момент. Таньша села тоже, но куда более свободно. Длинное скромное платье до пят и чепец делали её похожей на горничную, но Волку это, похоже, ничуть не смущало.

Вскоре хозяин самолично внёс в гостиную поднос и принялся расставлять на кофейном столике чашки.

– Небось такого-то в ваших лесах не пьёте... – приговаривал он. – Мистер Всеслав! Не смотрите на меня такими голодными глазами, честное слово, мне страшно. Может, чем-нибудь закусить? Что-то мясное? Мисс Таньша! Не могли бы вы перевести вашему спутнику, что я...

– Всё бы вам шутить, мистер Питтвик, – светски улыбнулась верволка. Однако обернулась, кивнула брату.

Всеслав одним движением бросил на стол тяжело звякнувшую кожаную сумочку.

– Ну и зачем это сейчас? – кислым голосом осведомился мистер Питтвик. – Скажите лучше толком, что случилось!

– Дело прежде всего, мистер Питтвик, – непреклонно сказала Таньша. – Здесь золотые гиней. Разной степени износа, разных годов чеканки. Всё, как вы говорили, как полагается для сохранения конспирации.

– Не сомневаюсь. – Хозяин даже не взглянул на кошелёк. – Спасибо, конечно. Гиней лишними не бывают, особенно когда сбор сведений требует таких расходов. С нужным человеком пообедай, подарок преподнеси, то да сё...

– Откройте кошелёк, мистер Питтвик, пересчитайте.

– Пересчитывать? Помилуй боже, мисс Таньша, вы и ваши меня никогда не обманывали. В отличие от своих... – Он злобно скривился. – Однако, – Питтвик поднёс к губам чашечку с кофе, – вы пожаловали поистине в странное и неурочное время. Я понимаю, случилось что-то из ряда вон и требуется моя немедленная помощь. Я прав?

– Вы правы, мистер Питтвик, – сокрушённо вздохнула девушка-волк, а Всеслав глухо рыкнул, совершенно по-медвежьи.

– Я так и знал. – Толстяк со стуком поставил чашечку. – Что ж, рассказывайте. Чем я могу помочь?

– Если потребуется повышенное вознаграждение, мистер Питтвик, – начала было Волка, но хозяин резко перебил её:

– Мисс Таньша. Поверьте, не все жители Империи – скаредные сребролюбцы, готовые по сходной цене продать родную мать. Вас я не виню – вы ещё слишком юны, но всё-таки пора бы и понять, что я помогаю вам не за деньги и даже не ради эликсира. Если б мне нужен был только он, я давно бы ушёл к вам, за Карн Дред, как мне предлагала госпожа Средняя.

– Мы знаем, – слегка покраснела Таньша. – И ценим, мистер Питтвик, поверьте...

– Я надеюсь, – негромко и очень серьёзно сказал толстяк, – сделать моё Королевство хоть немного лучше. Помочь исправить его ошибки, если, конечно, это называть ошибками, а не преступлениями. Поэтому давайте перестанем толковать о вознаграждениях и поговорим о деле. Деньги деньгами, они наверняка понадобятся, но что сейчас требуется? Как вы, не сомневаюсь, осведомлены, возможности мои хоть и не безграничны, но достаточно существенны...

– Расскажите нам об Особом Департаменте, мистер Питтвик.

– И только-то? – удивился хозяин. – Это я всегда, это я с удовольствием – об этих-то душегубах, что едва не сцапали меня в своё время. – Толстяк поморщился, словно куснув лимон. – Однако должен заметить, вопрос слишком общий и неконкретный. Что именно вам нужно узнать, мисс?

– Многое. Мы знаем только их штаб, главное здание. Но где они держат пленников? Тех, кто попал им в руки? Или их сразу отправляют на юг?

– Понимаю, понимаю. – Блеск в глазах мистера Питтвика становился всё ярче. – Наши доблестные борцы с чародейством и волшебством схватили кого-то, кто нужен вам. Быть может, расскажете поподробнее? Не волнуйтесь, мисс Таньша, ваша тайна умрёт во мне. Вы же знаете – без эликсира госпожи Средней мне... будет плохо, скажем так.

– Поэтому мы к вам и пришли, мистер Питтвик. Эликсир у меня тоже есть, как я и говорила.

– Я знаю, мисс Таньша. Вы меня никогда не подводите. – Толстяк вновь отхлебнул кофе. Ни Волка, ни Медведь к своему даже не притронулись. – Кроме главной штаб-квартиры, я знаю, Департамент негласно использует здания на Кингс-роуд и Сеймур-плаза; там нет никаких опознавательных знаков, вывесок, ничего, только совершенно невинные банковские конторы, кофейни да пара пекарен. Берегутся... Сейчас достану карту...

...Над картой – подробнейшим, в игольчато-тонких чёрных линиях чертежом Норд-Йорка – они склонились все вместе.

– Здания Особого Департамента, о которых мне известно, – здесь, здесь и здесь. Однако не думаю, дорогая моя мисс Таньша, что это вам как-то поможет. Слишком крепкие ворота, слишком много охраны. Где на виду, где скрытой. С бухты-барахты не взять, не прорваться. У меня, однако, есть предложение получше. – Мистер Питтвик, хитро сощурившись, дождался, пока Таньша не кончила переводить его слова Всеславу. – Нам нужен... скажем так, кто-то осведомлённый. Кто-то, кому... мы сможем задать вопросы. Я знаю джентльменов, которые как раз и сведущи в подобных делах. А самое главное – знаю, где они собираются. Офицерский клуб. Клуб «Пороховая бочка». Пушечный клуб, разумеется. Там проводит время их верхушка. – Он наморщил лоб, задумавшись, потом покачал головой. – Думаю, мисс Таньша, это будет самым правильным. Задам-ка я кому следует соответствующие вопросы. Внутреннего распорядка Особого Департамента не знает, увы, никто, напрямую расспрашивать об этом слишком опасно. Всё, что я могу сказать вот прямо сейчас, – что выявленных магов, конечно, сразу никуда не отправляют. Но и в штаб-квартире не держат. Я постараюсь выяснить завтра в Пушечном клубе. Да, гинеи ваши будут очень кстати, мне скоро платить туда годовой взнос... Кого вы разыскиваете, понятное дело, мне знать нельзя? Впрочем, простите, кажется, я осведомляюсь об этом уже второй раз, как будто в первый вы промолчали недостаточно красноречиво...

– Вообще говоря, нет, знать вам об этом не стоит, мистер Питтвик. Не потому, что мы вам не доверяем, а потому, что заботимся о вашей безопасности. Но сейчас случай особый. Может, я и расскажу ещё. Никто не знает, как обернётся дело. Но вы правы, Особый Департамент схватил одного человека, который... очень ценен для нас. Не торопитесь спрашивать о нём, мистер Питтвик, лишнее знание в наши дни – штука опасная.

– Боже мой, мисс Таньша, – всплеснул руками толстяк, – можно подумать, вы вышли из лучшего пансиона столицы! Рассуждаете совсем не как... – Он осёкся.

– Не как варвар? – ухмыльнулась Волка.

– Я не это имел в виду, – пробурчал хозяин, опуская глаза.

– Неважно, мистер Питтвик. Достаточно, если вы будете слушать и если вы сообщите нам, где мы сможем найти того, кого... кого разыскиваем. Это очень, очень важный пленник для Департамента. А вы бы лучше пошли поставили ещё кипятка, ваш эликсир надо тщательно взболтать и развести в нужной пропорции...

– Понимаю, мисс, и сразу же этим займусь. Отправлюсь... скорее всего, именно в Пушечный клуб. Или в «Пороховую бочку». Дело ведь в том, мисс Таньша, что головка Департамента, которую знаем мы, джентльмены Норд-Йорка, – это только видимая часть айсберга. Я ведь уже имел честь указывать в своих сообщениях, что куда страшнее и опаснее их незримое руководство. Оно не носит красно-бело-чёрных розеток, не напяливает эту дурацкую форму, но верховодит всем. Это, увы, предел мне известного, и дальнейшие вопросы сопряжены...

– С ненужным риском, мистер Питтвик. Мы понимаем. Вы до сих пор не прибрали свои гинеи.

– Гинеи... – недовольно проворчал толстяк. – Хватит уже о гинеех, мисс Таньша. Разберёмся с ними, никуда они не денутся. Вот что, давайте так. Вы остаётесь здесь. Наверху, в рабочем кабинете. Там есть задняя комната... впрочем, вы знаете. Отдохнёте. Я разберусь с прислугой. Подождите день-два. Завтра вечером я наведаюсь в Пушечный клуб. Разузнаю, что смогу. И надеюсь, завтра же вы сможете... начать действовать.

Ухмылка на красноватом лице мистера Питтвика не сулила тем, против кого ожидались оные «действия» Таньши и Всеслава, ничего хорошего.

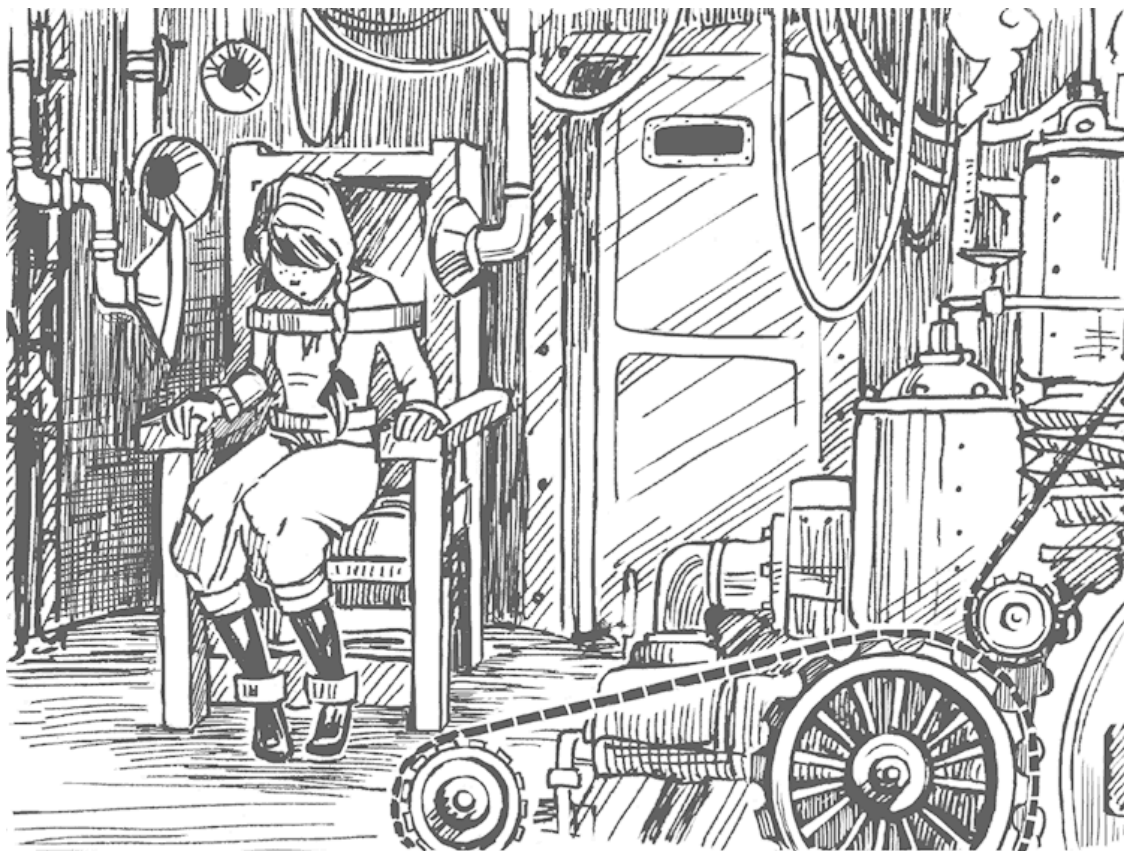
– Мы принимаем ваше предложение, мистер Питтвик. И благодарим за него.

– Ах, пустяки, мисс Таньша, – вздохнул хозяин дома. – Я понимаю. Вы спасаете кого-то из своих, необычайно для вас важного. Впрочем, вы бы спасали и не важного – Rooskies своих не бросают, как уверяют все до единого офицеры Горного Корпуса. Я постараюсь. Постараюсь, как только могу. А гинеи... обещаю вам, мисс Таньша, они пойдут на доброе дело, уж об этом я позабочусь.

Часть первая Подземелья Норд-Йорка

Глава 1

– Имя! – гаркнула прямо в ухо переговорная труба так, что Молли Блэкуотер невольно поморщилась. – Имя, ведьма!

– Моллинэр Эвергрин Блэкуотер, – сказала она в подсунувшийся к самым губам другой рупор.

Здесь не было ничего живого, здесь всё приводил в движение пар. А она, Молли, совершенно одна-одинёшенька, была прикована к жёсткому крутящемуся табурету: ни повернуться, ни плечами подвигать, и в запястья больно врезаются стальные браслеты наручников. Вокруг – стены бронированного стакана, где-то высоко над головой – узкие бойницы. Светят слепящие прожектора, мощностью чуть ли не как на маяке. И, отфыркиваясь паром, словно две металлические змеи, двигаются туда-сюда переговорные трубы. Зачем им это непрерывное движение, Молли понять не могла. Ведь достаточно отрегулировать их один раз для каждого пленника...

– Место жительства!

– Плэзент-стрит, дом 14, Норд-Йорк. – Она устало повторяла никому не нужные слова. Зачем они спрашивают это, если и так всё отлично знают?

– Род занятий!

– Ученица пятого класса частной школы миссис Линдгроув.

– Назовите имена ваших родителей!..

Молли повиновалась.

– Ближайших родственников по материнской линии!.. Ближайших родственников по отцовской!.. Их местожительство!.. Род занятий!..

Вопросы следовали один за другим.

Молли отвечала. Механическим, ничего не выражающим голосом. Всё это не имело уже никакого значения. Особый Департамент знал, конечно же, всё – и о её родителях, и о всей родне, где бы в пределах Королевства – или Империи – она ни проживала. Им нужно от неё что-то иное, но что?

Она не знала. И магия помочь не могла, потому что её, похоже, не осталось совсем, она словно бы умерла. «Локоть-ладонь-пальцы» больше не работало. Тепло не сбегало к кончикам ногтей, и огонь не срывался с рук, словно Молли враз сделалась самой что ни на есть обыкновенной, самой заурядной девочкой во всём Норд-Йорке.

Тишина. Её перестали спрашивать. Зашипев, отодвинулись обе переговорных трубы. Молли сидела, уставившись перед собой, и старалась ни о чём не думать. Вот просто ни о чём, и всё тут. Вытеснить из головы, чтобы ничего не осталось. Чтобы не завизжать от нестерпимого ужаса при одной мысли о том, какая судьба теперь её ожидает. Это очень легко сказать, но попробуй-ка сделай!

Ей, однако, удалось. Причём не то чтобы Молли как-то по-особенному старалась. Нет, просто глядела на серый цемент стакана вокруг себя, на железные скобы, уходившие куда-то под потолок, к люкам. Этого оказалось достаточно.

– Мисс Моллинэр, – заговорил вдруг новый голос, женский. Строгий, но... спокойный. Чем-то похожий на голос госпожи старшего боцмана Барбары Уоллес. – Мисс Моллинэр, у вас есть шанс изменить свою судьбу.

Голос прозвучал, но Молли даже не шелохнулась. Внутри была пустота, огромная, зияющая. Молли и помыслить не могла, что такое вообще бывает. И она, эта пустота, занимала её сейчас больше, чем все и всяческие голоса.

Магия всегда была с ней, теперь она понимала это. Всегда-всегда, только она не замечала, как не замечаешь биения сердца или дыхания.

Всегда была, а теперь её не стало. Наверное, она надорвалась – там, на поле под Мстиславлем, сокрушая бронированных гигантов Королевства...

– Мисс Моллинэр! – настойчивее повторил женский голос. – Вы слышите меня, мисс?

– Я слышу, – едва-едва шевельнула губами девочка.

– Прекрасно, – обрадовались на том конце переговорной трубы, вновь присунувшейся к самому уху Молли. – Мисс Моллинэр, вы можете изменить свою судьбу. Вы спросите, как?..

Голос явно ждал её вопроса, но Молли молчала. Возникла странная пауза.

– Разумеется, чистосердечным раскаянием. – В голосе, вынужденно заговорившем вновь, слышалось раздражение. – Чистосердечным раскаянием и оказанием деятельной помощи следствию...

– У меня нет никакой магии, – негромко сказала Молли. Повела затёкшими плечами и повторила в начищенный раструб, уже громче, увереннее, злее: – У меня нет никакой магии! Отпустите меня! Я хочу домой, к маме и папе!..

«Нет, – вдруг подумала она. – Я хочу не к ним. Вернее, не только к ним. Я хочу... к *нему*. К Всеславу и к Волке. И к госпоже Старшей тоже хочу; пусть бы она меня выпорола, пусть бы высекла, посадила на хлеб и воду, только б с ней всё было в порядке и она бы снова учила меня...»

Наворачивались слёзы. Горячие и злые, предвестники драки, а не бессильных рыданий.

– Мы, конечно же, отпустим тебя² к маме и папе, – немедленно посулил женский голос, сделавшись заметно мягче и даже ласковее.

² В имперском английском есть более чёткое деление на «вы» и «ты», чем в знакомом нам. В качестве вежливого «вы» используется староанглийская форма «thou», в качестве менее формального, как и у нас, «ты» – используется «you». Допрашивающая Молли женщина как раз перешла с «thou» на «you».

«Врёт, – зло подумала Молли. – Никуда они меня не отпустят. Никогда и ни за что».

Она сама не знала, откуда взялись в ней эти злость и жёсткость. И ещё решимость. Она не сдастся, она не уступит!..

– Мы отпустим тебя, но и ты должна нам помочь, – увещевала незримая собеседница.

– Я... готова... – выдавила из себя Молли. – Только я не знаю, как... а магии у меня никакой нет... можете проверить... всё равно ничего не найдёте...

Переговорная труба отодвинулась. В ней раздавались приглушённые голоса, но слов Молли уже не разбирала. Потом наверху, над головой, что-то зашипело и заскрипело; прямо перед девочкой опускался знакомый уже аппарат – одна из тех самых камер, перед которыми Особый Департамент сажал проверяемых на наличие чародейских способностей.

Объектив надменно уставился прямо в лицо Молли. Она подняла взгляд. Что-то подсказывало, что корчить злобную гримасу не стоило; не помешали бы сейчас разве что слёзы, но они, как назло, скатываться отказались.

Внутри камеры что-то зажуужало, из отводного патрубка вырвалась тонкая струйка пара.

Молли точно наяву представила, как мелют, движутся там шестерни, как трудятся миниатюрные цилиндры, поршни, золотники и червячные передачи. Как может камера «видеть» магию? Чем она её меряет? И кто придумал этакий аппарат? Мог ли его создатель – вдруг напряглась Молли, – мог ли он сам быть магом? Мог ли он искренне трудиться на благо Королевства или, по крайней мере, верить, что трудится, – или же его заставили?

Камера трещала. Глубоко-глубоко за линзами посвёркивали какие-то огоньки.

Длилось всё это куда дольше, чем обычная проверка в школе. Камера то подплывала, то отплывала, заезжала то справа, то слева, а один раз даже глянула Молли в затылок.

Наконец внутри полированного корпуса прибора что-то хрюкнуло, фыркнуло, крикнуло, наверху вновь зашипело, и камеру утянуло под потолок.

Молли осталась сидеть, изо всех сил стараясь, чтобы на лице ничего не отражалось, кроме плаксивого недоумения.

– Мисс Моллинэр, – после паузы вновь заговорил женский голос, – я уже сказала, мы отпустим вас домой. Но сперва ответьте нам на вопросы...

– У меня ведь нет никакой магии, ведь правда, да?! – выкрикнула Молли. – Нет и никогда не было!..

А вот это оказалось ошибкой.

– Об этом, мисс Моллинэр, мы и собирались с вами поговорить, – не без удовольствия объявил голос. – Начнём с самого начала. Признаете ли вы, мисс Моллинэр Эвергрин Блэкуотер, что, используя магию, вы позволили скрыться от правосудия вашему дружку, мелкому воришке Уильяму Стивену Мюррею?

– Не признаю, – мгновенно выпалила Молли. – У меня нет никакой магии!

– Не так быстро, моя дорогая, не так быстро, – холодно бросила незримая собеседница. – У нас к вам очень, очень много вопросов. Больших и поменьше, разных. Имеются показания свидетелей, утверждающих, что рядом с вами и, возможно, в связи с вами имели место события, весьма похожие на вызванные магией. Что вы можете сказать об этом?

– Ничего не знаю! – отпёрлась Молли. – Не было у меня никакой магии никогда! Если б она у меня была, ваша камера бы уже это показала!

– Это уже вас не касается, дорогая, что нам показала наша камера. Ладно. Зайдём с другой стороны. Вы же не станете отрицать, что знаете мистера Мюррея?

– Не стану, – решительно сказала Молли. – Я его знаю... знала. Мы... так, приятели. Были. Раньше. Разве это запрещено?

– Оставим в стороне вопрос, что общего могла иметь девочка из приличной, уважаемой семьи с подобного рода отщепенцем, обитателем дна. – Молли была уверена, что допра-

шивающая сейчас поджала губы, тонкие, бледные, бескровные. И вообще в воображении Молли она походила на рыбу. – Оставим это в стороне и спросим, когда вы видели мистера Мюррея последний раз?

– Не помню, – нагло соврала Молли. – Давно. Зимой. Ещё до Рождества.

– При каких обстоятельствах?

«Какой глупый вопрос», – подумала Молли.

– Ни при каких, – дерзко ответила она вслух. – Мы... играли. На улице. На Пистон-стрит.

– А при каких обстоятельствах вы познакомились с Сэммиумом Перкинсом?

– Не помню, – немедленно выпалила Молли. – Где-то на улице...

– Вот так и начинается дорога вниз, – недовольно прокомментировали наверху. – Сомнительные знакомства, приятели с городского дна... да ещё и мальчишки!

Молли молчала.

– Вам известно, мисс, что означенный Сэммиум Перкинс был идентифицирован как потенциально наделённый магией?

– Нет, – вновь соврала Молли. – Ребята говорили, что всю их семью... увезли на юг, вот и всё. У кого-то из них нашлась магия...

– Именно, мисс Моллинэр. «У кого-то из них нашлась магия», как вы верно сказали. Однако это как раз и делает вышеупомянутого Сэммиума Перкинса, как мы говорим, потенциально наделённым магией. Всё понятно, мисс?..

А теперь мы возвращаемся к вам. Вы признали знакомство с двумя весьма опасными субъектами, мистером Мюрреем и мистером Перкинсом. Расскажите нам, мисс, что случилось с вами двадцать третьего декабря прошедшего года?.. Когда вы исчезли из дома?

– Ничего со мной не случилось, – отрезала Молли. – Вот она я, живая и невредимая!

– Не валяйте дурака, мисс! – заледенел голос. – Двадцать третьего декабря персоналом Особого Департамента был проведён внеплановый досмотр вашей семьи. Вас дома не оказалось. Ваши родители заявили о пропаже в полицию. Где вы находились?

– Пряталась.

– Где?

– В... в Нижнем Норд-Йорке. Канализация, трубы, все дела.

Допрашивающая помолчала.

– Вам, похоже, интересно, что мы сделаем с вами, если вы продолжите беззастенчиво лгать нам в лицо. Мисс Моллинэр, у меня хватает терпения и не на таких наглецов, как двенадцатилетняя соплячка. Мы провели подробное дознание. И установили, что, покинув дом, вы втёрлись в доверие к утратившим бдительность бывшим членам экипажа бронепоезда «Геркулес» Барбаре Уоллес и Реджинальду Картрайту. В своих показаниях они оба утверждают, что приняли вас, потому что увидели на вашей спине следы жестоких побоев. Оставляя пока в стороне тот факт, что на бронепоезде вы назвались вымышленным именем, сосредоточимся на факте якобы перенесённых вами «избиений», о чём есть соответствующий акт...

Голос бубнил что-то ещё, но Молли уже не слушала.

«Бывшие члены экипажа...»

Что, что они сделали с госпожой старшим боцманом?! С коммодором?!

Да, они были солдатами Королевства. Но зла к ним Молли сейчас не испытывала, совсем даже наоборот.

Она прикусила губу, чтобы не вырвалось ненужное.

– ...При осмотре вас врачами Департамента, однако, не было выявлено никаких следов, даже большой давности...

– А я-то тут при чём? – дерзко возразила Молли. Злость копилась, грозя прорваться наружу. Отчего-то она перестала бояться. – Мало ли что написать можно!

– Верно, – неожиданно согласился голос. – Однако это ещё одно доказательство ваших способностей, мисс Моллинэр. Ни Уоллес, ни Картрайт до того не были замечены в каких бы то ни было симпатиях к... таким, как вы.

– Какие ещё способности?! У меня нет никакой магии! Вы ведь её не увидели сейчас, не увидели никакой, правда?!

– Вопросы здесь задаю я! – чуть не взвизгнули на том конце переговорной трубы. – Что вы сделали, чтобы Картрайт и Уоллес увидели на вашей спине какие-то следы? Или никаких следов никогда не было, а эти двое просто предатели, вступившие в заговор против Короны?

– Ничего не знаю! – отрезала Молли. – Ни следов, ни заговоров!

– То есть вы отрицаете...

– Я всё отрицаю!

– Вас опознали, – усмехнулся голос. – Те самые Уоллес и Картрайт. Мы можем повторить очную ставку. Они содержатся здесь же, у нас. Под надёжной охраной, – злорадно закончила говорившая.

Молли опустила голову. Конечно, подумала она. Уж тут-то Особый Департамент своего не упустит.

– Мне всё равно, – с неожиданной силой бросила она.

– Едва ли, мисс, едва ли. У нас очень богатые арсеналы. А вы подвергаете свою семью неоправданным опасностям, отказываясь сотрудничать со следствием!..

Семью. «Подвергаете свою семью неоправданным...» О-ох!

Молли ощутила, как из неё словно кто-то вырвал сердце. Шея, плечи, грудь, руки, живот – всё обратилось в одну сплошную глыбу льда.

Они схватили маму. И папу. И братика. И – наверняка! – даже Фанни и бедную Джессику, которые тут ну вообще ни при чём...

Что они смогут с ними сделать?!

«Всё, что угодно», – мрачно сказал Всеслав.

«Хуже, чем что угодно», – подтвердила Волка.

Голоса оборотней раздались близко-близко, настолько близко, что Молли аж дёрнулась. Они тут?.. Они пришли на помощь?!

Ну конечно же, нет. Она по-прежнему одна в глухом бронированном стакане.

– Очень советуем вам проявить благоразумие, мисс Моллинэр. Впрочем, я уступаю место вашей дорогой матушке. Надеюсь, она сумеет объяснить вам – хотя бы сейчас, – как нужно себя вести.

Молли сжалась. Ледяная глыба, сковавшая её, поднялась до самого подбородка.

И верно – из жерла слуховой трубы раздался мамин голос, слабый, растерянный, напуганный:

– М-молли? Молли, ты... это ты? Да, ты...

– Мама. – Молли крепко зажмурилась. Крепко-крепко, но сейчас слёзы потекли сами и сразу.

– Молли, милочка... девочка моя... – Казалось, мама не знает, что сказать, она будто забыла все до единого ласковые слова. – Молли, я не понимаю, что ты натворила... Но, что бы ни случилось... умоляю тебя, скажи господам из Особого Департамента всё, что ты знаешь... они наши защитники... Прошу, Молли...

– Мама. – Молли по-прежнему не открывала глаз. – Мама, не надо, пожалуйста!..

– Как же «не надо»?! – Мамин голос окреп, в нём послышались прежние властные нотки. – Ты устроила нашей семье бог весть что! Ввергла нас в ужасную беду! Тебя следо-

вало бы примерно высечь и вообще сечь каждую субботу просто для остротки, мисси! Как видно, я была с тобой слишком добра!..

Мама. Просто мама.

Молли не обижалась. Наоборот, она вдруг ощутила себя куда старше, сильнее и мудрее, чем её бедная запуганная мамá, как та любила произносить.

– Вы сейчас же расскажете всё, что знаете, мисси! – Мама обретала почву под ногами. Вернулось привычное «вы». – Вы всё поняли?! Немедленно! Расскажите! Всё!..

– Хорошо, мама, – негромко проговорила Молли, не открывая глаз. – Только не кричите, пожалуйста.

– Давно бы так, – немедленно вмешалась допрашивавшая. – Благодарю вас, миссис Блэкуотер, вы нам очень помогли. Мисс Моллинэр, отвечайте!

– На что? – сдерзила Молли.

– Где вы были после своего исчезновения из родного дома, – терпеливо повторила департаментская дама.

– Но я же ответила, – самым невинным голосом проговорила Молли. – Пряталась в Нижнем Норд-Йорке.

Тишина.

– Вы сами накликали это на себя, мисс Моллинэр, – холодно прозвучало из переговорной трубы. – Поднимайте её!..

В тот же миг внизу что-то зашипело, застучало, и вся платформа с железным табуретом и прикованной к нему Молли поползла вверх.

Проползла несколько футов и вдруг с жутким, рвущим слух скрежетом остановилась. Из переговорной трубы приглушённо донёсся чей-то ядовито-холодный голос:

– Вы с ума сошли, Дженнифер. Вытягивать этакую... – непонятное слово, Молли не удалось ни понять, ни хотя бы разобрать, – из бронеячейки?!

Ответа той самой Дженнифер (судя по всему, именно она допрашивала Молли) девочка уже не услышала.

Медленно, рывками, сиденье вместе с Молли опустилось обратно.

– Слушайте меня, мисс Моллинэр, – негромко раздалось из трубы, и это был уже мужской голос. – Слушайте меня внимательно. Я отлично знаю, кто вы такая и чем были заняты всю зиму. Более того, мы с вами встречались. Встречались, хоть и не были формально представлены друг другу. Исправляю сию досадную оплошность: лорд Джонатан Эдвард Маурис Спенсер, девятый граф Спенсер и пятый виконт Алтхорп, к вашим услугам, мисс. Да, кстати, вздумаете меня титуловать, запомните – я предпочитаю наше старое доброе «эрл» теотонскому «графу».

Молли сжалась. Голос был силён, отнюдь не груб, но в нём таились и опасно-мягкие нотки. «Нож убийцы, скрытый под чёрным плащом ночного странника» – в какой из книг она это читала?

Лорд Спенсер... Значит, он её видел. Или чувствовал. Значит, он, скорее всего, сам...

Молли похолодела.

Маг Королевства? Тайный маг?

– Если я правильно истолковал ваше молчание, вы меня вспомнили, мисс, – отчеканила ей прямо в ухо переговорная труба. – Очень хорошо, мисс. Может, теперь вы бросите ломать комедию и мы поговорим серьёзно?

Он знал. Они знали. Знали всё время, но хотели, чтобы она начала рассказывать сама. Им было важно, чтобы она созналась.

Но этой радости она им не доставит. Во всяком случае, пока.

Он бы её не одобрил. Волка бы рассмеялась ей в лицо.

– Собственно говоря, свои приключения до гибели «Геркулеса» можете опустить. Они нам известны в деталях. Показания той же Уоллес, Картрайта, других выживших с бронепоезда... Начните с того момента, когда вы оказались на спине медведя. Вот это нас интересует, и весьма. Рассказывайте, мисс, и со всеми подробностями. В противном случае, – прежним ровным голосом продолжал лорд, – нам придётся применить... особые методы. Нет, не к вам, мисс. К вашей семье. Я буду сожалеть об этом, но, как вы понимаете, безопасность Империи – превыше всего.

Молли не знала, как удержалась на круглом железном табурете, как не свалилась с него без чувств – наверное, только благодаря сковывавшим её цепям.

Конечно, что им ещё остается! Только... только пытка. Об этом в её классе не осмеливались даже шептаться, когда с пылающими щеками обсуждали на перемене, какая судьба ожидает раскрытых и арестованных Департаментом малефиков.

Но, в конце концов... если они и так знают, что она была у Rooskies, что изменит её признание? Ровным счётом ничего.

– Что тут рассказывать. – Молли постаралась равнодушно пожать плечами, но они всё равно вздрагивали при одной мысли о том, что может случиться с мамой или братиком. – Они меня похитили.

– И это мы знаем, – хладнокровно сказал лорд. – Что случилось потом?

– Меня утащили за перевал...

– За перевал?.. Как интересно! А вы не пытались бежать, мисс?

– Нет... я не знала дороги... я не знала, как выжить в лесу... зимой...

– Мне представляется, мисс, что вы выжили бы даже на голом льду Северного моря, – ядовито заметил лорд. – Впрочем, неважно. Итак, вас похитили, утащили за перевал, и что же дальше?

– Дальше? Ничего. Держали в каком-то городке... В каком-то доме... не в темнице... Обращались хорошо... не обижали... кормили. Потом отпустили. Когда... когда уже не стреляли. Проводили обратно за перевал... вернули одежду...

– М-м, мисс, то есть пребывание ваше там было совершенно лишено всех и всяческих событий? Вы очаровательно скучали в плену, и только?

– Да. И только!

Молли упрямо врал и выкручивалась. Если они «всё знают» и тем не менее задают вопросы, значит, им нужны мои ответы.

– И вы ничего не знаете о событиях, что имели место там этой зимой?

– Слышала, что Королевство наступало... а потом отступило.

– Прекрасно. Значит, там по крайней мере нашлись говорящие на нашем языке.

– Была... одна девушка... она рассказала... после этого меня и выпустили. Сказали, можешь возвращаться домой... Ну, я и вернулась...

Молчание. Вернее, на другом конце звуковой трубы о чём-то быстро и горячо переговаривались, сильно понизив голос. Слов не разобрать, но спорят ожесточённо. Интересно, почему же они не закрывают раструб?..

– Во мне нет никакой магии! – громко повторила Молли. – Отпустите меня домой, пожалуйста! Я... я плохо поступила, что соврала, я знаю... но я боялась! И боюсь! Боялась говорить о варварах... Но я не злодейка! Не... не магичка!.. Честное-пречестное слово! Мама! Мама, ну скажи им, ну пожалуйста, я ведь не врунья, ведь я же не!..

Это была последняя надежда. Потому что говорить им про магию, конечно, нельзя ни в коем случае.

– Похвально, мисс Моллинэр, что вы наконец-то решили сказать хоть толику правды, – после паузы вновь взял слово лорд Спенсер. – Да, вы провели остаток зимы у варваров... но только ли сидели там взаперти?..

– Ну-у... не только. Гулять меня выпускали тоже...

– Каждый раз, когда вы прикидываетесь дурочкой, мисс Моллинэр, честное слово, мне хочется лично вас выпороть. Что вы делали у варваров, отвечайте! Почему удостоились чести быть отпущенной?! Почему вас сопровождал сюда, к Норд-Йорку, целый отряд?!

– Какие отряды? Никаких отрядов! Нет было их!.. – невольно возмутилась Молли.

– Отрядов не было? – усмехнулся лорд. – А кто же вас довёл до Норд-Йорка? Одна вы бы не добрались, мисс. Эту сказку можете даже и не начинать.

– Меня проводили, – опустила голову Молли. – Двое. Двое варваров.

– Подробностей, мисс Моллинэр, подробностей. Я жажду подробностей! Кто они, как их имена, как вы с ними говорили...

– Они не назвали имён. Двое... двое охотников. Они со мной не говорили. Просто вели, и всё. Кормили. Показывали путь. И... и всё. Я ж не знала их языка... Мы расстались на окраине Норд-Йорка. Они повернули назад, а я... я пошла домой...

И Молли всхлипнула. Она очень надеялась, что вышло это достаточно натурально.

– Ничего-то вы не знаете, мисс Моллинэр. Совсем-совсем ничего... Вы неплохо рисуете, мисс, может, сумеете нам изобразить этих своих спутников?

– Смогу, отчего ж нет? – пожала плечами Молли. – Дайте карандаш с бумагой, и нарисую. А вы меня отпустите ведь?

– Отпустим, отпустим, – нетерпеливо бросил незримый лорд. – Но не ранее вашего рассказа, как же именно – в представлении варваров – случилось так, что наша армия, гм, вынуждена была повернуть назад.

– Н-не знаю. – Молли растерялась. Растерялась по-настоящему. – Мне не говорили... я ведь сказала уже, что их речи не понимаю... ну, кроме там «дай», «есть», «пить», «да», «нет»... – Ох, хоть бы уж получилось так, чтобы поверили!..

– М-да, – задумчиво протянул лорд Спенсер. – История, конечно, невероятная. Варвары захватывают в плен ребёнка, девочку, дочь хоть и не самого высокопоставленного, но всё-таки служащего Империи, доктора, каких мало. И ничего не требуют взамен. У нас есть их пленные, которых можно попытаться выкупить, – но о них ни слова. Можно потребовать пороха, пуль, ружейных патронов, лекарств, ещё чего-то полезного – опять же ни слова. Вместо этого Rooskies зачем-то держат пленницу несколько месяцев, без цели и смысла, а потом, также без цели и смысла, отпускают, да ещё и провожают до Норд-Йорка! Дженнифер, вы верите в подобную чушь?

Бур-быр-бар, что-то неразборчивое в раструбе.

– Вы, мисс Моллинэр, с нами не откровенны. Вы скрываете от правосудия слишком и слишком многое. Да ещё и оскорбляете нас своими нелепыми выдумками, полагая, что мы поверим подобным рассказам двенадцатилетней девчонки!..

Молли промолчала. Да и что она могла сейчас сказать?

– Дженнифер, вам и остальным следует удалиться. Нет, нет, за *мою* личную безопасность вам беспокоиться не стоит. Семейство Блэкуотеров оставьте здесь тоже. Механики! Поднимайте заключённую.

– Но, ваша светлость... – разобрала Молли. – Вы же сами запретили...

– Обстоятельства изменились, а мне одному она вреда не причинит, – с оттенком нетерпения бросил эрл. – Не сомневайтесь, Дженнифер. Эй, вы, там, на лебёдке! Мне что, требуется повторять мои приказы дважды?

И на сей раз табурет со скованной девочкой пополз вверх уже до конца.

Она замерла и сжалась, крепко зажмурилась. Мама... братик... папа...

Глухой плотный щелчок, и подъём прекратился.

– Ну-ну, – услышала она снисходительный голос лорда Спенсера. – Где же ваши смелость и твёрдость, мисс Моллинэр? Неужто вы даже не рискнёте взглянуть мне в глаза?!

– Спенсер, ей двенадцать лет, – вдруг раздался голос папы. И Молли никогда ещё не слышала у папы *такого* голоса. – Это не воин Rooskies. Это моя дочка. Подданная Её Величества. Не много чести запугивать её и бахвалиться силой!..

– На вашем месте я бы помолчал, мистер Блэкуотер, – холодно объявил лорд. Молли по-прежнему не могла заставить себя открыть глаза. – На вашем месте я бы прикусил язык и...

– Но вы, к несчастью, не на моём месте, Спенсер.

– К *несчастью*, Блэкуотер? Вы не оговорились? Умом не помутились от страха?

– К несчастью, Спенсер, именно что к несчастью. Если бы это ваша дочь сидела сейчас прикрученная цепями к стулу, а вы стояли там, где я сейчас, – может, у вас прибавилось бы хоть чуть-чуть человечности.

Ай да папа, смятенно подумала Молли. Никогда она не слышала, чтобы папа говорил бы таким голосом!..

– Когда дело касается безопасности Империи, – отчеканил лорд, – ни о какой человечности речь идти просто не может. Стойте где стоите, Блэкуотер. И воздержитесь от разговоров, мой последний вам добрый совет, что я даю, памятуя о ваших заслугах перед Коронной, действительно имевших место быть. Не смогли воспитать достойную дочь, так будьте готовы иметь дело с последствиями.

Молли замерла, ожидая папиного ответа... однако раздалось лишь какое-то гневное, неразборчивое мычание.

Она открыла глаза.

Железный табурет, к которому она была прикована, замер в самой середине обширной круглой комнаты, с голым цементным полом и цементными же стенами. Их, правда, в отличие от пола, покрывало настоящее переплетение труб, толстенных, просто толстых, средних, тонких и совсем тоненьких. Где-то злобно и сипло шипел пар, прорываясь сквозь сочленения.

Среди мешанины труб Молли заметила несколько тяжёлых дверей со штурвалами в середине, словно на настоящем корабле. Они наверняка были ещё и бронированными; в самом помещении располагался пульт с многочисленными рукоятками и рычагами; торчали, изгибаясь готовыми к броску кобрами, бронзовые пасти переговорных труб.

А вот и камера, та самая, похоже, которой «проверяли» её, Молли. Тоже вытянули наверх, значит...

Возле пульта, положив на рычаги руки в чёрных перчатках, застыл человек, наглухо закутанный в чёрный же плащ; но на него Молли лишь едва кинула взгляд, потому что возле одной из железных дверей стояла, скованная общей цепью, вся её семья.

Не просто так скованная – рты у всех были заткнуты кляпами, и не какими-то там тряпками, как в приключенческих книжках; нет, это были солидные, настоящие кляпы, скорее даже полумаски с блестящим железом, крепившиеся где-то на затылке широкими кожаными ремнями.

Около папы застыли двое департаментских, дюжих, словно специально откормленных. Папа яростно мычал и пытался отбрыкиваться – доктор Джон Каспер Блэкуотер, верноподанный Её Величества!..

Мама слабо пискнула, поймав взгляд Молли. Глаза у неё были красные, щёки мокрые; у неё и у молоденькой Джессики, гувернантки брата Уильяма. Кухарка и заодно горничная Фанни, напротив, стояла вскинув голову, дерзко, с вызовом, зло сощурившись. И, зная Фанни, Молли бы не позавидовала тому, на кого она станет так смотреть...

Братец Билли просто застыл, ничего не понимая и держась за мамину юбку. Как и взрослые, он был в наручниках, прикованный ими к общей тонкой цепочке.

Особый Департамент шутить не любил и не умел.

Джессика глухо всхлипнула, братец Уильям заревел в голос, что, впрочем, оказалось не так-то просто сделать, когда у тебя во рту высокотехнологичный кляп.

Фанни не всхлипнула, не пискнула и не ойкнула. Лишь медленно кивнула, глядя прямо Молли в глаза, словно одобряя.

– Нагляделись? – насмешливо сказал человек в чёрном плаще, надо полагать – тот самый лорд Спенсер. Он медленно повернулся, взглянул Молли прямо в лицо.

Её обдало холодом. Живот сжался, точь-в-точь как в самый первый раз, когда она столкнулась взглядами с означенным лордом, девятым графом Спенсером, стоя тогда ещё в железном чреве «Геркулеса».

Острый подбородок. Острый нос, нависший над презрительно скривившимся тонкогубым ртом. Глаза у лорда Спенсера были странного льдистого цвета, волосы – белы как снег, тщательно собраны сзади в длинный ухоженный хвост.

С головы до пят лорда закутывал плотный чёрный плащ с серебристой застёжкой на левом плече. Бледные впалые щёки, резкая линия скул, властный подбородок – этот человек привык отдавать приказы и привык, что им повинуются.

– Мисс Моллинэр, – сказал он, передвигая последнюю рукоять и пряча руки под плащ. – Наконец-то мы с вами встретились...

Молли сглотнула. Ледяной взгляд буравил её, впивался в сознание, холодил мозг. Что-то очень сильно не так с этим человеком, очень сильно не так!.. Был ли он магом? Таким же, как госпожа Старшая? – кто знает...

Но в Королевстве нет магии! То есть магия, конечно, есть, а вот магов – нет! Ведь если бы они были, то появились бы, конечно, и в армии! Она, Молли Блэкуотер, в одиночку разнесла не одну боевую машину Горного Корпуса, получал тяжкие повреждения от той же магии «Геркулес»... а магов в Империи так и не обнаружилось.

И мисс Барбара с мистером Картрайтом говорили...

Молли совсем запуталась и отвела взгляд.

Странный лорд Спенсер на краткое время вытеснил даже страх за семью.

– Молчите?

– А чего говорить? – неожиданно огрызнулась Молли. – Вы и так всё знаете... а чего не знаете, я рассказала...

– Я вам не верю, – ровным голосом объявил лорд. – И потому, полагаю, нам пора перейти к более действенным методам. С кого из вашей семьи начнём?

Молли окаменела.

– Я не шучу, – спокойно сказал почтенный граф. – Мне нужен результат, мисс Моллинэр, и я его получу. Итак, с кого мы начнём? Кого отправим в камеру боли? Может, вашего маленького братца? Уверен, вам понравится слушать его крики. Или вашего уважаемого батюшку, что имел непозволительную дерзость повысить на меня голос? Или, может, не будем тянуть и примемся сразу за вашу мать? А, мисс Моллинэр?

Молли зажмурилась и прикусила губу.

Она не выдержит. Она не сможет. Она всё скажет. Они замучают и папу, и маму, и братика, и никто, никто, никто не придёт ей на помощь. Никто даже не знает, где она. Волка и Медведь, конечно же, уже давно на пути обратно за перевал, в конце концов, Королевство никуда с него не делось. Госпожа Старшая тяжело ранена, да и вообще двор её – слишком далеко.

– Что вам угодно?.. – еле слышно прошептала она, съёживаясь в комочек и чувствуя, как слёзы находят-таки дорогу.

– Мне угодно услышать правдивый рассказ о том, что вы делали у варваров, мисс Моллинэр. А также и о том, почему они вас отпустили.

– Потому что... потому что... – И тут её осенило. – Потому что я должна была шпионить!

– Шпионить? – поднял правую бровь лорд Спенсер.

– Шпионить! – отчаянно кинулась головой в омут Молли. – Я технику люблю, корабли, бронепоезда... разбираюсь... дестроеры класса «Эм» с дестроерами класса «Эн» не перепутаю... вот они мне и велели...

Мама попыталась что-то панически пискнуть через кляп, но безуспешно.

– Интересно, – задумчиво промолвил эрл. – Очень интересно, мисс Моллинэр. Продолжайте, прошу вас.

– Потому меня и отпустили... что должна была сведения собирать... о кораблях в гавани, о бронепоездах... о том же «Геркулесе»... меня там знали...

– Прекрасно, прекрасно, – сощурился лорд. – Но кому же вы должны были передать эти сведения, мисс Моллинэр?

Молли судорожно сглотнула. Придумывать приходилось буквально на ходу.

– Тайник. Я должна была опускать записки в тайник. Их оттуда должен был забирать их... посыльный.

Теперь уже издали возмущённо-сдавленные пiski из-под кляпов разом и мама, и папа.

– Превосходно. – Руки в чёрных перчатках вынырнули на миг из-под плаща, пальцы, словно паучьи лапы, сплелись и вновь расплелись, точно в волнении. – Превосходно, мисс Моллинэр! Но вы же понимаете, что мы тщательно проверим всё, вами сказанное?

Молли молча кивнула. Ничего иного уже не оставалось. Липкий страх не отпускал, внутри всё просто заledenело. Ног она вообще не чувствовала – уж не отвалились ли?

– Вы, разумеется, положите записку в тайник, мисс, – продолжал меж тем лорд Спенсер. – Ту, что я вам продиктую лично. Дальнейшее... несомненно, прояснится в самом ближайшем будущем.

– А... мама... папа... моя семья, брат? – собралась с духом Молли.

Льдистые глаза сощурились.

– Мисс начинает торговаться? Мисс, похоже, не понимает, что не в том положении, чтобы ставить условия.

– Почему это? – нахально задрала нос Молли, стараясь загнать обратно слёзы. Её единственное спасение было сейчас в наглости. Ничего другого этот напыщенный индюк Спенсер бы не понял и не принял во внимание. – Как раз могу. Без меня вы не узнаете, где тайник. Без меня вам ничего не достанется!

Мама слабо пискнула в третий раз и, кажется, попыталась упасть в обморок. Служанка Фанни глядела на Молли во все глаза, и девочка готова была поклясться – глядела с одобрением. А Джессика, красивая стройная девушка с волной каштановых волос, – напротив, с ужасом и отвращением.

Братец только хныкал и шмыгал носом, вытереть который ему не давали наручники.

– Милая мисс Моллинэр, – почти ласково сказал граф, – даже если вы сейчас поведали мне всю правду, в чём я, однако, ещё не перестал сомневаться, но даже если это так – мы ничего не потеряем. Rooskies не впервой пытаются засылать сюда своих лазутчиков, мы их уже ловили и ещё поймаем. Они же варвары, их сразу видно в любой толпе. Они попадутся, непременно. Чуть раньше или чуть позже, но попадутся.

А сведения... помилуйте, мисс Моллинэр. Вы умны и сообразительны не по годам, вы и впрямь прошли через многое этой зимой, повзрослели. Рассудите сами, для чего варварам такой ценой добывать известия о том, что, скажем, «Геркулес» выдвигается на позиции? Они могут получить эти сведения куда более простым и надёжным путём. Скажем, устроив наблюдательный пост на одной из главных магистралей. Оттуда через леса весть достигнет их боевых отрядов куда скорее и вернее, чем отсюда, из сердца Норд-Йорка.

Так что, если вы и говорите правду, мисс, я ничем не рискую, оставляя этого потенциального «связного» варваров на свободе. – Лорд Спенсер вдруг нагнулся так, что льдистые глаза оказались почти у собственных глаз Молли, заставив её вздрогнуть. – Гораздо важнее, чтобы вы поняли, мисс, – со мной не торгуются. Никто и никогда. Здесь делают то, что я говорю. И вы, мисс, не станете исключением.

Молли сжалась в комочек на жёстком железном сиденье, насколько позволяли оковы.

– Так вот, мисс Моллинэр, с вас сейчас снимут цепи. Вы сядете за стол и напишете записку, которую я вам продиктую. Если вы начитались шпионских романов, – лорд усмехнулся, – то, наверное, слышали о такой вещи, как «работа под контролем». Угодивший в плен агент старается дать знать своим, что захвачен, что передает приказанное захватившими, и включает в сообщения условный сигнал. Проигнорируем тот факт, что варварам едва ли может быть известно такое, перестрахаемся. Поэтому послание должно быть написано в точности как я скажу. Никаких пропущенных букв, лишних точек, запятых и тому подобного. Письма я собираюсь проверять лично, но даже если и не стану, не сомневайтесь, мисс Моллинэр, я буду точно знать, что вы там написали.

– А если, – буркнула Молли, не в силах выносить надменный, презрительный голос, – если условным сигналом как раз и есть письмо без единой ошибки или пометки? Или, наоборот, с кляксой в должном месте?

Это было резко и рискованно. Разве может прикованная к стулу девочка так говорить с могущественным и загадочным лордом, кому, судя по всему, подчиняются все в Особом Департаменте?..

Но к тому моменту Молли уже почти забыла о страхе. Его снесли волны злости и упрямства, тех самых злости и упрямства, что позволяли ей учиться, несмотря на берёзовую кашу от госпожи Старшей.

Она забыла о страхе, в сердце оставались только злость да неистовое «не поддамся!».

Russkie ne sdayutsya, как говаривала порой Таньша...

– Этот риск, – улыбнулся почтенный лорд, – я беру на себя. Как я уже сказал, рано или поздно лазутчик варваров попадётся всё равно, но мне интересны другие вещи. А их я получу, даже если это ваше пресловутое «письмо без пометок и описок» на самом деле является условным сигналом. Но – землю копай, лопату не забывай – мы примем все возможные меры.

Итак, мисс, вы напишете, что я вам велю. Затем вас выпустят. Вы отправитесь домой. Оттуда – к тайнику. Положите записку. Вернётесь обратно, на Плэзент-стрит...

– Rooskies могут уже знать, что меня сцапали, – фыркнула Молли. – Они наверняка следили за домом. А вы, ваша светлость, устроили там та-а-а-акой цирк...

Цирк, собственно говоря, устроил не его светлость, а департаментские громылы – но какое это сейчас имело значение?

– Гм, мисс Моллинэр, а вы мне определённо нравитесь, – после паузы выдал вдруг лорд Спенсер. – Вы уже примеряете на себя роль двойного агента. Очень, очень хорошо. Мне кажется, мы с вами таки поладим в конце концов. Давайте так. Я нарушу собственные принципы и немного забегу вперёд. Я расскажу вам, что ждёт вас лично, если вы... проявите разумность и послушание. И конечно, если вы были правдивы со мной.

Он прошёлся туда-сюда, выразительно задержавшись возле скованных родителей Молли и брата Билли.

– Я дам вам шанс всё исправить. Полагаю, ваше пребывание в плену у варваров и, гм, ваше возвращение, к которому у меня по-прежнему имеются, ха-ха, кое-какие вопросы, должно остаться секретом. Для публики... для родственников, для вашей гимназии, учителей, подруг и одноклассниц мы объявим, что вы поступили юнгой на «Геркулес» – это соответствует действительности – и что принимали участие в боях. Объявим, что вы бежали из дома, будучи охвачены патриотическим порывом...

Кто-то сдавленно фыркнул. Похоже, Фанни. Лорд Спенсер метнул туда гневный взгляд, и в камере мгновенно воцарилась полная тишина.

– Охвачены, как я сказал, патриотическим порывом. Под вымышленным именем вы поступили на службу, проявили мужество и героизм в столкновениях с варварами, но в суматохе последнего боя потерялись, отстали от своих. Мы оформим соответствующие бумаги. MIA³, вы будете MIA, всё честь по чести. Понимаете, куда я веду и на что намекаю?

Молли судорожно кивнула. Пусть, пусть говорит всё что угодно, лишь бы не угрожал маме, братику и папе!..

– Потом... гм, это, пожалуй, самое трудное. Ваши родители подняли большой шум, вас разыскивала полиция... – Лорд нахмурил высокий лоб, несомненно в старых романах не избежавший бы поименования «благородным».

– Пусть бы меня нашли егеря? – робко предложила Молли.

³ MIA – «Missing In Action», буквально – «пропал в ходе боевых действий», аналогичен русскому «пропал без вести».

Деваться некуда, она должна вместе с нахальством проявлять и послушание – если хочет спасти семью!

– Егеря? – эрл поднял бровь.

– Ну да, ваша светлость, егеря из Горного Корпуса. «Геркулес» подбили. Я отстала от своих, бежала от варваров, а потом... блуждала по лесам...

– Чепуха, – резко оборвал её лорд Спенсер. – Я хоть и пошутил насчёт вашего выживания на льду Северного моря, но на самом-то деле в лесах на склонах Карн Дреда вы зимой не протянули бы и нескольких дней, мисс Моллинэр, вы бы просто замёрзли. Хотя ваша идея с егерями мне нравится... тем более что все, конечно же, подумают на моих... – Он элегантно коснулся правого виска средним и указательным пальцами. – Гм, пожалуй, пожалуй. Пожалуй, нам это подойдёт, мисс Моллинэр. Вас подобрал отряд егерей, идущий на важное и ответственное задание, разумеется, сугубо секретное. Они не могли остановиться и повернуть назад. Поэтому вы следовали за ними. Нет, вы не можете никому рассказать, где именно вы были, что вы делали и как звали этих храбрых солдат Её Величества. Это военная тайна. Потом, когда наши доблестные защитники успешно исполнили порученное, они вернулись назад, и вы вместе с ними. Всё понятно пока, мисс Моллинэр?

Молли ничего не оставалось как кивнуть.

– Арест... то есть, э-э, временное задержание вашей семьи будет объяснено ошибкой мелкого клерка, каковой клерк будет с позором изгнан из рядов славного Департамента, с непременным распубликованием в газетах. Всё вернётся, всё станет как было. Ну, как вам такая перспектива, мисс Моллинэр? Разумеется, сие может воплотиться, лишь если ваши слова о тайнике для переписки с варварами и об их связном окажутся правдой.

Лорд закончил, явно довольный собой. Стоял, скрестив руки, и снисходительно глядел сверху вниз на девочку.

Молли никак не могла набраться храбрости и взглянуть лорду в глаза. Все запасы смелости исчерпались, злость схлынула, и никак невозможно было отвести взгляда от скованной одною цепью семьи.

– Сказавши всё вышепрозвучавшее, мисс Моллинэр, я не могу не повторить: в вашем рассказе по-прежнему слишком много нестыковок и несообразностей. – Постояв, лорд Спенсер ходил теперь кругами, так что Молли приходилось вовсю вертеть головой. Сил смотреть ему в лицо не было, но и сил отвернуться – тоже, как будто за её спиной почтенный лорд немедленно обратился бы в жуткое страшилище.

– Во мне нет магии... – прошептала она наконец. Прошептала невпопад, совершенно не к тому, что только что довелось выслушать. Слезы вновь скатывались по щекам, и Молли поневоле затуманенным взглядом заметила, как горестно сдвинулись мамины брови, а на папином лбу легла глубокая складка.

– В вас нет магии, – словно бы нехотя, но, не имея иного выхода, подтвердил девятый эрл. – И это делает всю историю с вами крайне, крайне непонятной. Оставив пока разговор о составлении пригодных для общественного вкуса версий вашего пребывания вне Норд-Йорка, вынужден спросить – неужели Rooskies похитили вас лишь затем, чтобы обзавестись осведомителем в Норд-Йорке? Неужели вы предлагаете мне в это поверить?

– Ничего лучше у меня всё равно нет... И мой папа железнодорожный доктор... – прошептала Молли. – Он всюду ездит. Я должна была его расспрашивать...

– Ну да, едва ли кто-то заподозрил бы в двенадцатилетней девочке шпиона варваров... – Лорд задумчиво рассуждал словно бы сам с собой. – Известная логика – разумеется, варварская! – тут определённо прослеживается... Но всё равно, варварам идти на такой риск и жертвы... тащить вас за перевал...

– Rooskies, мой лорд...

Тот фыркнул.

– В отличие от дураков-генералов навроде бесславно сгинувшего графа Хастингского, я, мисс, к нашему врагу отношусь очень, очень серьёзно. Скажите мне, что вас больше всего там поразило? Вы видели в действии их магов, назовём их так?

Что-то дрогнуло в стальном голосе. Дрогнуло совершенно незаметно для любого другого, кроме Молли.

Она поспешно помотала головой.

– Только слышала, мой лорд... девушка, что... ухаживала за мной, которая знает наш язык... говорила, что у Rooskies есть способы подчинять себе магию... на короткое время... только поэтому они ещё держатся против нашего Корпуса...

– Вот именно, – кивнул лорд Спенсер. – То есть магию свою вам не показывали, мисс? А те звери, что утащили вас, – что это за существа?

Молли прикусила губу. Разумеется, никому в Норд-Йорке не следует знать, на что способны Волка и Медведь.

– Это... это звери, мой лорд. – Слова получались уже более свободно, Молли попыталась представить, что обращается к лорду Вильяму в доме госпожи Старшей, точнее, к его голове на серебряном подносе. – Звери, но... умнее обычных.

– Дрессированные? – перебил эрл.

– Нет, ваша светлость. – Молли решила, что толика правды не помешает. – Они куда умнее просто дрессированных. Но... звери. Всё равно – звери.

Они меня доставили туда, где ждали Rooskies... С ни-ми – уже дальше, за перевал... Наверное, медведя с волком как-то изменили особым образом... может быть, та же магия... не знаю. Пока я была на «Геркулесе», наслушалась всяких сказок... точнее, я думала, что сказки... пока не увидела старую медведицу, в которую я стреляла...

У мамы вновь вырвался сдавленный стон.

– Да, мисс Моллинэр, этот момент ваших приключений мне известен досконально, – кивнул лорд Спенсер. – В решающий момент боя вы не испугались, заменив у митральезы труса и паникёра, лишившегося присутствия духа. Вы поступили весьма достойно, и, ограничьтесь вы лишь этим, скорее всего, я бы сейчас вручал вам Крест Виктории за отвагу в бою, отвагу, простирающуюся выше и вне требований долга. Но, мисс Моллинэр, вы прекрасно понимаете сами, пока что у меня куда больше оснований привлечь вас к ответственности по статье «измена Её Величеству и Короне», чем награждать. Вы ни в чём не хотите сознаться?

– В чём же, ваша светлость?

– Ну, хотя бы в том, что вы с ходу выдумали всю эту историю про шпионство, про тайник, про связного и всё прочее? Нет? Не желаете, как говорят служители церкви, облегчить душу?

Молли стиснула зубы и покачала головой.

Лорд Спенсер несколько раз медленно кивнул.

– Хорошо, мисс Моллинэр. Я поверю вам. Приму в качестве рабочей версии, что варвары и впрямь отправили вас сюда наблюдать и докладывать им. Что ж, выяснить это будет нетрудно. Я сказал, что вы отправитесь домой, на Плэзент-стрит, для полной убедительности. Однако полагаю, что потом мы вас оттуда заберём, для всеобщего спокойствия лучше вам провести ночь здесь, в Департаменте...

– А моя семья?! – немедленно выпалила Молли. Злость проснулась, вскинувшись, словно кобра.

– Ваша семья может отправляться домой, – с кислой миной объявил многостойный эрл. – Разумеется, при условии сохранения в строжайшей тайне всего, что они тут слышали, – добавил он, обводя домашних Молли ядовитым взглядом, от которого мама и Джессика задрожали, а братец Билли в очередной раз разразился рыданиями. – Нам же с

вами, мисс Моллинэр, предстоит заняться составлением послания для вашего связника от Rooskies...

Если, разумеется, оный связник и в самом деле существует, в чём я лично сомневаюсь. Пока что сомневаюсь, мисс Моллинэр.

Глава 2

Мисс Моллинэр Эвергрин Блэкуотер медленно шла по родной Плэзэнт-стрит, готовясь свернуть на Азалию. В дорогом полушубке, шапочке, с муфтой, в меховых сапожках – весна что-то совсем запаздывала в Норд-Йорк, хотя по всем календарям уже пора было наступить оттепели.

Мисс Моллинэр явно никуда не торопилась. Было утро, и редкие прохожие на Плэзэнт-стрит поглядывали на прилично одетую девочку, которая почему-то не в школе.

Никто из них не обратил внимания на неспешно следующую за Молли пару: молодая леди в мехах до самых пят, взявшая под руку офицера Горного Корпуса, явно поправляющегося после ранения – он заметно хромал. Пара следовала на известном отдалении от Молли, время от времени останавливалась перед витринами, что-то оживлённо обсуждая. Молодая дама порой поднимала к глазам зеркальце – ох уж эти красавицы, подумал бы иной прохожий, и полусотни ярдов пройти не могут, чтоб не проверить причёску!..

Молли шагала не оборачиваясь и не глядя по сторонам. Мысли её были сейчас очень, очень далеко, там, за Краем Мира, за Карн Дредом, где в жарких подземных пещерах обитал загадочный Зверь Земли.

Помоги, пожалуйста, великий. Услышь меня. Мне это очень-очень нужно. Вот именно сейчас. Пусть в том месте, что я помню, ничего-ничего не изменилось бы за зиму.

Молли свернула на Азалию, поднимаясь на сей раз вверх, в сторону, противоположную Геаршифт-стрит и «плохим кварталам». Теперь она шла в направлении кварталов богатых и благополучных, где на каждом углу торчала полиция и где никто бы не заподозрил наличие «связного варваров».

Пропыхтел мимо паровичок, полупустой в это время. По большей части едет на нём сейчас сменная прислуга, направляясь на вечернюю работу. Ну и пусть себе едет, мисс Моллинэр это совершенно не волнует. Правда, ей непонятно с чего стала вдруг интересна узкая аллея, что вела к грузовому проезду вдоль задних фасадов богато отделанных таунхаусов; девочка поспешно свернула туда, не удержавшись и оглянувшись перед этим.

В аллее по-прежнему громоздились высокие, оставшиеся с зимних буранов сугробы. Сердце Молли колотилось сильно и неровно, где-то в горле, ноги ослабли, коленки постыдно дрожали. Если здесь что-то переделали за зиму... хотя, конечно, никто в Норд-Йорке не занимается ремонтом в эти месяцы... Но вдруг? Вдруг-таки починили?

...Нет, слава богу, нет. Не починили. Вот она, приметно изогнутая труба магистрального паропровода, вот кирпичное гнездо в стене, вот и узкая щель, запорошенная снегом, куда можно просунуть руку, но для этого нужно знать, что она здесь вообще есть...

Молли нашла это место вместе с Сэмми, когда они частенько бегали по этим кварталам, – ещё до того, как на слишком долго болтавшегося в «приличном районе» бедолагу Перкинса, плохо одетого мальчишку из городских трущоб, здесь начали коситься.

Рука её быстро скользнула к каменному гнезду, оставляя в щели клочок бумаги, исписанный её не шибко аккуратным почерком.

Текст ей продиктовал лорд Спенсер лично. Говорилось там про какие-то дестроеры и мониторы, про новые бронев вагоны и так далее – Молли даже не смогла вникнуть. Она-то прекрасно знала, что никакого «связного» не появится и бумажка так и будет гнить в глубине кирпичной щели до второго пришествия, как порой говаривала Фанни.

И что она станет делать, когда Департамент уразумеет, что никто за «ценными сведениями» не явится?

Нет, лорд Спенсер выполнил все обещания. Папу, маму, братика, Фанни и Джессику вернули домой. Правда, Джессика немедля заявила, что уходит, что ни минуты не останется в семье, «члена которой подозревают в измене Её Величеству». Мама, комкая кружевной платочек, только выслушала все эти «инвективы», как выразился потом папа, и ничего не смогла ответить. Она, миссис Анна Николь Блэкуотер, кого боялись все без исключения зеленщики, молочники, маляры, штукатуры, газовики, механики и прочий служилый люд, не исключая даже дюжих мясников!..

Напрасно рыдал братец Билли, бывшая гувернантка брезгливо оторвала от себя его руки и пулей вылетела за порог, не спросив даже рекомендации для нового места работы.

Семья вернулась домой – а она, Молли, нет.

Правда, из жуткой одиночной камеры без окон и дверей, куда Молли опускали на платформе через потолочный люк, её перевели в относительно приличное помещение. Пусть там стояла железная дверь и решётки, пусть за тяжёлыми створками топали сапожищами охранники – тут всё-таки имелась почти нормальная постель с пологом, и кресло, и столик, и даже полка с книгами. И вместо зловонной дырки в полу, как в старой камере, – прикрытая от чужих взглядов кабинка-выгородка в дальнем углу.

Жить можно, как сказала бы Волка.

Молли доставят туда под покровом ночи, когда к дому подадут роскошный локомотив безо всяких эмблем Департамента и папа с мамой отправятся на очередной званый обед. А она, Молли, проскользнёт незамеченной меж ними, когда всё семейство будет прощаться у раскрытой дверцы.

Конечно, *он* бы увидел. Его медвежьим (и не просто медвежьим!) глазам не был помехой никакой сумрак.

Молли вспомнила о Всеславе и густо покраснела. И сама разозлилась на себя за это. О чём это я? Почему это я? Ну да, я спала, привалившись к мохнатому и тёплому медвежьему боку... но ведь это был медведь, а не мальчик!

За размышлениями она даже и не заметила, как выбралась обратно на Плэзент-стрит. Теперь надлежало, меняя паровики, отправиться в условное место, где её как раз и ждал неприметный локомотив, тоже безо всяких признаков принадлежности к Особому Департаменту.

И вернуться обратно, то ли в заключение, то ли домой – с этим Департаментом никогда нельзя быть ни в чём уверенной.

Лорд Спенсер не оставлял без внимания ни единой мелочи.

Молли тряслась в вагончике городского медленного паровика, невидяще глядя в окно. Астрономическая весна уже наступила, день сделался не в пример длиннее, до сумерек ещё очень и очень далеко, но сугробы, все покрытые угольной гарью, по-прежнему высоки. Молли знала, что гарь как раз и должна ускорить их таяние, но солнце не выглядывало совсем, скрытое низкими и плотными тучами, жадно вбиравшими в себя жирные столбы дыма, поднимавшиеся над бесчисленными трубами Норд-Йорка.

Сейчас за окнами виднелись знакомые места – места, где они частенько играли с Сэмми. Хотя, наверное, всё-таки не играли – едва ли можно назвать их походы по подвалам и подземельям игрой.

Их обоих равно притягивали и высоченный маяк над обширной гаванью Норд-Йорка, и тёмные ходы рукотворных тоннелей. Молли и Сэм неумоимо обшаривали подвалы, стараясь отыскать спуск на более низкие уровни, – о лежащих под городом переходах среди уличных мальчишек ходило много всяких историй, главным образом, конечно, жутких.

Они с Сэмом запасались свечами, мелом, клубками бечевы – и спускались в очередную тёмную дыру. Как правило, она заканчивалась коротким глухим тупиком с гниющим мусором и прочими малоаппетитными добавлениями. Но иногда им везло, и подвальная дверь открывалась в настоящую подземную галерею, где с низких заплесневелых сводов капала вода, пальцы скользили по крошащимся порой кирпичам – а они с Сэмми крались и крались вперёд, сердце колотилось где-то в горле. Да, тогда она ещё не знала, каковы на вкус настоящие приключения...

Правда, Всеслав, когда выводил её к эллингу «Геркулеса», никакими опасностями озабочен не был. Да и Молли в тот момент не думала о страшноватых сказках, что рассказывались среди норд-йоркской ребятни.

А сказки были и впрямь недобрыми.

О заблудившейся дрезине.

О пропавших ремонтниках.

О живущих в тёплых глубоких тоннелях крокодилах, сбежавших из зверинца и поджидавших случайную жертву в мелкой воде клоаки.

О том, что там, где тоннели пронзили старое кладбище, творились совсем уж кошмарные вещи – там пропадали дети, схваченные чёрными руками-лапами, на миг высунувшимися из обычного на первый взгляд люка.

И все эти страшилки делали путешествия по подземельям особенно восхитительными. Страшными, да, но захватывающими.

Да, заблудившаяся дрезина... Молли слабо улыбнулась, вспоминая. Говорят, в глубинах пропадали даже паровики. А про дрезину рассказывали, что на ней пытался бежать от Особого Департамента некий магик, по долгу службы связанный с подземным хозяйством. Выбив ворота, он погнал мелкий паровичок в глубь тоннелей, куда вела узкоколейка.

Истории по-разному описывали, почему он так сделал и на что рассчитывал. Казалось бы, чего стоило Департаменту просто перекрыть другие ворота, ведущие на поверхность? Да и рельсы там проложены мало где...

«Но на самом деле не так!» – понижали голоса в этом месте рассказчики. На самом деле рельсов много, проехать можно много где, ибо это особая специальная дорога, проложенная,

когда Норд-Йорк только строился, якобы для того, чтобы можно было быстро перебрасывать войска с одного края города на другой, – тогда на южных склонах Карн Дреда, совсем близко, гремели настоящие сражения с варварами (Молли не сомневалась, что в реальности никаких «настоящих сражений» на окраинах не было).

В общем, именно по этой, давно позабытой и позаброшенной, дороге и помчалась дрезина с магом, и его не стали преследовать.

Разумеется, все ворота были закрыты и возле них поставлена стража. Но пропавшая дрезина так и не нашлась. Магик должен был бы, конечно, сгореть – или превратиться в чудовище, а уж потом сгореть, – и потому никто не стал гоняться за ним в тёмных лабиринтах. Ведь вреда он там всё равно никому не принесёт, разве что крысам.

А все люки в городе просто заперли крепко-накрепко. Это не так трудно, как кажется, – ведь в Норд-Йорке достаточно дворников.

...Прошло время, и о пропавшем маге стали забывать. Он не выбрался на поверхность, он никому не причинил вреда. Несколько месяцев спустя на ржавые рельсы узкоколейки спустилась партия офицеров Особого Департамента, а с ними – рабочие, инженеры, проходчики. Задача стояла отыскать место, где магик нашёл свой конец, разобрать завалы – но вместо этого, далеко углубившись в рельсовые тоннели, они встретили (здесь рассказчики делали страшную паузу...) движущуюся сама по себе дрезину, за рычагами которой никого не было.

Пышащее светом ацетиленовых фар чудовище пронеслось мимо них так, словно хотело сбить. Повернуло со скрежетом на стрелке и исчезло.

Началась погоня, но... она ничем не кончилась. Заблудившаяся дрезина исчезла, словно испарившись.

Молли невольно улыбнулась, припомнив всю эту историю. Они с Сэмми так и не нашли ни одного тоннеля с рельсами.

И страшных подземных ходов, что идут через старые кладбища, а в стенки вцементированы скелеты, тянущие костяные руки к неосторожным путникам, – их они не нашли тоже.

Тогда Молли хотелось верить, что они просто плохо искали.

Сейчас она не сомневалась, что всё это обычные городские рассказы.

Магов не было в Норд-Йорке. Госпожа Старшая была права, они бы тут не выжили. И никакая магия не заставила бы «заблудившуюся дрезину» месяцами бегать сама по себе.

Она видела настоящую магию. У неё самой была настоящая магия.

Была...

...Паровик ушёл далеко, давно осталась позади широкая Gearshift с проложенной эстакадой, Молли поменяла поезд. Теперь её везли к порту, через рабочие кварталы, по узким и тёмным улочкам, где паровику едва хватало места и рельсы зачастую были проложены только одни, так что приходилось ждать, пока встречный поезд минует разъезд.

Она думала. Отчаянно, напряжённо, как не ломала голову ни над какой контрольной. Городские сказки городскими сказками, они помогли, сделали своё дело, страх уходил, его место занимала решительность – и мысли о том, что делать дальше.

Несколько дней у неё есть. Может, даже неделя, прежде чем лорд Спенсер начнёт что-то подозревать. Что делать, как передать весть Всеславу и Волке? Ди, верная охотница Ди куда-то исчезла и так и не появилась. Убежала? Пропала? Едва ли... Молли сильно подозревала, что её пушистое бело-палевое сокровище, так уютно муркавшее, обхватив лапками руку хозяйки, так просто нигде не потеряется. Если честно, Молли надеялась в любой момент услышать знакомое «мряу!», но Дианы всё не было.

Где-то наверняка прятался и сорвиголова Билли Мюррей. Едва ли его сумели взять; такого пройдоху не вдруг схватишь, особенно теперь, когда он уже научен горьким опы-

том, как тогда, с часами из лавки мистера Каннигхема. С него станется – он и в подземелья забьётся, всегда был большим любителем страшных про них рассказов, и сам лазал...

Ей просто очень-очень хотелось верить, что хотя бы с Билли всё в порядке – насколько к нему вообще приложимы эти слова, «в порядке». Просто очень хотелось верить, что хоть к кому-то не пришла беда.

Паровик свистнул два раза, прогромыхал по стрелке, выезжая на кольцо. Здесь распахивались чрева фабричных проходных, за высокими заборами парили и дымили высоченные кирпичные трубы, паропроводы исполинскими змеями обвивали стены; дышать стало совсем трудно, и Молли подтянула повыше маску, поправила очки-консервы.

С кольца как раз должен был отойти другой паровик, который и привезёт Молли к порту, где будет ждать департаментский локомотив.

Она не знала, следят ли за ней, но на всякий случай действовала именно так, словно следили. Мышкой юркнула меж обшарпанных вагонов паровичка и скользнула в нужный, поспешно сунув кондуктору проездной.

Сжалась в уголке, низко надвигая капюшон.

Состав дёрнулся, паровоз пыхнул паром, покатил. Молли старалась не смотреть в окно, хотя эти места Норд-Йорка знала плохо.

Заводы, заводы, заводы. Алые отсветы громадных ненасытных топок на краснокирпичных стенах. Шипение отработанного пара, его клубы, сбрасываемые бесчисленными машинами.

Здесь не было места Зверю Земли. Здесь то, что у него вырвали силой, – уголь, его достояние, – сгорало на колосниках, отдавая накопленное тепло и распадаясь седой золой.

И это было неправильно. Очень-очень неправильно.

Молли сжалась ещё больше, так что лицо исчезло совсем – лишь посеревшая от угольной гари маска да круглые стёкла очков видны из-под капюшона. Одинокая, одна-одинёшенька, в лапах Департамента... и ведь не убежишь никуда, они тогда... сделают что-то совершенно ужасное и с мамой, и с папой, и даже братика не пожалеют.

Разве что только...

Молли аж выпрямилась.

Почему она раньше об этом не подумала?! Они ведь могут уйти из Норд-Йорка все вместе! Уйти туда, за перевал! Rooskies, может, и варвары, и у них большая нехватка тёплых ватерклозетов, но зато там – никаких Особых Департаментов!..

«Ой, нет, нет, не получится, не обманывай себя», – горько подумала она миг спустя. Мама упадёт в обморок от одной только мысли. Фанни потребует расчёт. Папа... папа растеряется и примется бормотать, что, дескать, Особый Департамент – это королевская служба, а бежать от них – значит изменять Её Величеству...

Или нет? Может, и не сказал бы? Ведь ответил же он лорду Спенсеру, дал тому укорот! Показал, что их, Блэкуотеров, так просто не запугаешь! Может, и стоит потихоньку, осторожно поговорить с папой, едва представится такая возможность?

Паровичок тархтел по узкой своей колее, менялись пассажиры в вагончике, Молли приближалась к месту своего назначения, но теперь она уже ничем не напоминала нахвалившегося и несчастного воробья.

Она не отступит, она не опустит руки. «Russkie ne sdayutsya», как говаривали и Волка, и Всеслав. Значит, и она, Молли, тоже не сдастся! Она уже этому научилась...

...На последнем кольце её и впрямь ждал большой локомотив с тёмными занавешенными изнутри стёклами. Дверца распахнулась прямо перед носом Молли, и её почти что втянули внутрь.

Она ожидала увидеть там какого-нибудь департаментского офицера, может, даже двух. Но вместо этого...

– Ну что, мисс Моллинэр, – сказал лорд Спенсер собственной персоной, поправляя шторку на окне, – хочу, как говорится, от имени Её Величества и от себя лично поблагодарить вас за правдивость.

У Молли так и открылся рот.

– Устраивайтесь поудобнее, мисс Моллинэр. – Девятый эрл похлопал по кожаному сиденью рядом с собой. – Устраивайтесь, не бойтесь. Хочу довести до вашего сведения, что Rooskies забрали-таки ваше послание. Вы не солгали, мисс. Поздравляю. От всей, гм, души.

Молли молчала, совершенно потерявшись. Что он говорит? Как так... забрали? Кто?! Как лорд Спенсер мог узнать об этом?!

Это ловушка? Обман? Хитрость? Лорд решил её подловить, решил подыграть ей? Может, всё гораздо проще, не было никакого связника, клочок бумаги вытащили случайно наткнувшиеся на тайник ребятишки, а следившие, конечно же, за этим местом департаментские прохлопали ушами, сочинив потом для начальства красивую сказку о «связном»?

...О подобных вещах Молли тоже читала в приключенческих книжках.

– Ну, мисс Моллинэр, что же вы молчите?

Молли едва заставила себя разлепить губы.

– Н-не знаю, что сказать, мой лорд. Я... не ожидала...

– Не ожидали? – поднял бровь эрл. – Чего же, позвольте узнать?

– Что это... случится так скоро, – вывернулась Молли. – И... как вы об этом узнали?

– Не ждали, что случится, однако случилось. – Спенсер потёр руки во всё тех же чёрных лайковых перчатках. – Случилось, мисс Моллинэр! Какими бы мотивами ни руководствовались варвары, они забрали ваше сообщение. А откуда нам это известно – простите, маленькая профессиональная тайна.

«Они забрали ваше сообщение», – вдруг осознала Молли. Забрали, если лорд не врёт. А если он не врёт, то это значит, значит, это значит...

– И вы, конечно же, мой лорд... вы схватили связного?

– О нет, помилуйте, – самодовольно усмехнулся тот. Локобель громыхал по булыжным мостовым Норд-Йорка, сворачивая то вправо, то влево, словно путая дорогу. – Помилуйте, мисс Моллинэр. Разумеется, мы и пальцем не тронули посыльного. – Он пристально глянул на девочку. – Знаете, мисс, вы действительно умны и отважны не по годам. Мне весьма приятно вести с вами подобного рода беседу. Думаю, у вас очень неплохие шансы искупить свою вину перед Короной, оказывая Особому Департаменту весьма важные услуги. Помните, я говорил о Кресте Виктории? Ваши шансы сделаться его самым юным кавалером определённо повышаются.

– Я, я... – пролепетала Молли, окончательно растерявшись, – я очень рада, мой лорд...

– Конечно, рады, – хмыкнул тот. – Более того, вы должны быть просто счастливы! Подумать только, обвинения в измене Её Величеству и Короне – и могут быть сняты!

«Как такое могло случиться? – лихорадочно думала Молли. – У меня нет никакой магии. Особый Департамент ничего не видит. И я сама так чувствую. Так что же?..»

Объяснение напрашивалось только одно. Каким-то образом Всеслав или Волка разужнали, что с ней произошло, и... достали её записку. Быть может, искренне полагая, что она пытается с ними связаться. Ой-ой-ой, они же попадутся! Если уже не попались, что бы там ни вешал лорд Спенсер...

Молли собрала всю волю.

– Ваша светлость... могу ли я спросить?..

– Вообще-то нет, не можете, мисс Моллинэр. Но сегодня особый день и особые обстоятельства, так что ладно уж, спрашивайте и помните мою доброту.

– К-кто приходил за запиской? – выпалила Молли, поражаясь собственной смелости. – И... вы ведь выследили его? Куда он отправился?

– О-о, какой хороший вопрос, мисс, – покачал головой девятый эрл. – Нет-нет, этого я вам не скажу. – Он улыбнулся, весьма довольный собой. – Можете не сомневаться, пока что сей... субъект, обозначим его так, в полной безопасности. Мне нужно, чтобы ваши записки... дошли бы до адресата. Так что «выслеживание» сейчас не самое главное.

Молли молчала, кивая. Ну конечно, если лорд Спенсер уверен, что его записка и впрямь попала к варварам, ожидающим известий от своего «шпиона», то и «связной» непременно должен остаться на свободе.

На свободе, но под неусыпным надзором.

Хотя... а что, если связник их попросту оставил в дураках? Появился и исчез? А они за ним и не уследили?.. Но, конечно, лорд Спенсер про такое ни за что не скажет...

– Но что, если *они* уже узнали, что я... что меня...

– Пхе, девочка! – отмахнулся эрл. – Ладно, будем считать это дозволенным вопросом. Нет ничего особенного в том, что давно пропавшего ребёнка, подобранного егерями и вернувшегося невесть откуда, решили проверить. Что они вам говорили на этот счёт?..

Это был ещё один зияющий провал в Моллиной истории.

– Э-э, мой лорд, ничего не говорили. Только то, что у меня нет никакой магии, я не вызову подозрений...

– И вы не вызвали! – энергично кивнул лорд Спенсер. – Вас задержали, это так. И семью, да. Но Особый Департамент во всём разобрался! Разобрался, и вас отпустили. Я верен своему слову. Так что будьте покойны, завтра к вам домой прибудет официальная депутация, вашим достойным родителям будут принесены должные извинения. И можете не сомневаться, об этом узнают ваши соседи. Уж если играть, так по-настоящему. И, мисс Моллинэр, – эрл в упор взглянул ей в лицо, и Молли невольно вздрогнула – льдистый взгляд, казалось, сейчас заморозит ей все внутренности. – Я повторяюсь, но, мисс Моллинэр, не думайте, что я отношусь к нашему противнику как... как к примитивным варварам. Они не таковы. Я был на перевале и за ним. Я видел, как они сражаются.

Удивительное дело – враг, лорд Спенсер, разговаривал сейчас с Молли как с равной, как со взрослой, серьёзно и уважительно.

– Мы вернём вас прямо домой, мисс Моллинэр. Завтра, как я уже сказал, Департамент принесёт... неофициальные официальные извинения. Вы сможете вернуться в школу. Не волнуйтесь насчёт директрисы. С миссис Линдгроув я побеседую сам нынешним вечером.

У Молли кружилась голова. Не может быть, что происходит, что происходит?..

– Но... что же я должна...

– Живите обычной жизнью, – пожал плечами лорд. – Ходите в школу, играйте с подружками. Гуляйте... даже и по не самым благополучным районам. – Он хитро подмигнул. – Захаживайте в порт. Заглядывайте в железнодорожные мастерские. И... мы с вами будем писать сообщения для наших корреспондентов там, за Карн Дредом. Если вы всё исполните как подобает... никто никогда не вспомнит о вашей отлучке, мисс Моллинэр.

Так хотелось поверить, что все страхи кончились! Что всё обернулось хорошо! Что ей всего-навсего достаточно писать какие-то глупые письма, а уж Волка или Всеслав, конечно же, догадаются, что это не просто так, они-то знают, что никаких «донесений» она, Молли, составлять не подражалась! Они сообразят, в чём дело, не могут не сообразить! Уж раз они достали её письмо из «тайника», значит, следили за ней, значит, знают, что её схватили департаментские!.. Сложат два и два! Не могут не сложить!

Так хотелось думать, что всё будет именно так!..

Однако теперь она сделалась уже не просто мисс Моллинэр Эвергрин Блэкуотер. Она помнила, что кое-где её прозывали и иначе.

Дева Чёрной Воды.

У них, у «варваров», у Rooskies, всё было по-другому. И потому Молли не могла не сказать – причём негромко и твёрдо, очень, очень по-взрослому:

– Ваша светлость, у меня есть условие.

– Вот как? – поднял брови лорд. – Условие? Это какое же? Весь мир и новые коньки в придачу?

– Нет, ваша светлость. Билли Мюррея больше не будут искать.

– Кого-кого? – искренне поразился благородный эрл.

– Моего друга. Из... из не слишком благополучных районов.

– Никогда о таком не слышал, – поморщился лорд Спенсер. – Небось какой-нибудь мелкий воришка, да?.. Впрочем, пусть его. Узнаю. Если он до сих пор не пойман, если разыскивается – велю оставить в покое. Много не наврует. Да и вообще, пусть эти толстые лавочки будут бдительны, не так ли, мисс Моллинэр?

– Благодарю вас, ваша светлость... Но...

– Но это не всё? – проницательно уронил лорд. – О, позвольте мне догадаться самому. Ваш маленький дружок, Сэммиум Перкинс. Подвергнутый релокации.

Молли заставила себя взглянуть девятому графу не только в лицо, но прямо в глаза, в самую их глубину.

– Вы хотели бы его вернуть, не так ли, мисс Моллинэр?

– Да, – выдохнула она. – Он мой друг. Пусть вернут его и всю его семью.

Лорд Спенсер помолчал.

– Мисс Моллинэр. Вы умны и должны понимать...

Молли вздрогнула. Внутри стало вдруг очень-очень холодно.

– Вы... его... убили?

– Помилуйте, моя дорогая, – девятый эрл только отмахнулся. – Никто никого не убивал.

В юном мистере Перкинсе нет ни грана магии. Он далеко на юге, в приёмной семье. Но его мать... оказалась с даром. Как и одна из его сестёр. Как и один из его братьев.

– Но я слышала...

– Не всегда стоит верить слухам, мисс Моллинэр. И я не могу его вернуть сюда, это просто не в моей власти. Я могу обещать безопасность вашему дружку молодому мистеру Мюррею, но мистеру Перкинсу... его просто некуда возвращать.

– Почему? – получилось несколько глуповато, и Молли враз об этом пожалела.

– Мисс Моллинэр, ему здесь негде жить, о нём никто не позаботится, – словно младенцу, принялся растолковывать лорд. – А вышвыривать его на улицы Норд-Йорка, плодить беспризорницу? Поверьте, мисс, у нас и без того хватает малолетних бродяжек, приюты не справляются. Если так уж настаиваете, он сможет вам написать.

– Пусть напишет тогда!.. – выпалила Молли. – И... и... спасибо вам, ваша светлость.

– Не стоит, мисс, право же, не стоит, – снисходительно усмехнулся эрл. – Боюсь только, что письмо от юного мистера Перкинса вы получите не скоро. Пока весть пройдёт через все инстанции, пока исполнители на местах доберутся до означенного Сэммиума...

– Я подожду, – твёрдо сказала Молли.

– Как вам будет угодно, мисс. – Лорд светски склонил голову. – Так, похоже, и это не всё?.. Что ж, попробую предвосхитить и ещё один ваш вопрос. Вернее, условие. Барбару Уоллес и Реджинальда Картрайта вернут на службу с соответствующими извинениями. Можете не сомневаться. Гораздо важнее, чем сохранение лица каких-то не в меру ретивых служак на нижних ступенях Департамента, – моя и ваша переписка с варварами. Вот это интересует меня куда сильнее, и я сделаю всё, что в моих силах, дабы дело сие увенчалось успехом. А вы, мисс Моллинэр?

– Д-да-а... – сглотнула Молли. – И я тоже...

– Превосходно, мисс. Мы уже почти приехали, хочу на прощание лишь сказать вам вот что. – Лорд Спенсер внезапно наклонился, нависая над ней, замораживающий взгляд вбуравился в глаза девочке. – Играйте честно. Если я узнаю, что вы решили как-то снестись с Rooskies помимо меня, если решили их о чём-то предупредить... – речь девятого эрла обернулась полным ненависти змеиным шипением, – тогда, мисс Моллинэр, вы пожалеете, что вообще родились на свет. Я понятно излагаю?

У Молли язык примёрз к нёбу от страха. Еле хватило сил кое-как кивнуть.

– Вот и прекрасно, – спокойным прежним голосом объявил лорд Спенсер. – Очень рад, что мы поняли друг друга, мисс Моллинэр. Вот моя карточка, связывайтесь со мной паропочтой в любое время дня и ночи. Честь имею, мисс, – и, мне кажется, семья ваша вас уже встречает.

Глава 3

Всё было очень странно. Очень-очень, до невозможности странно. Молли сидела за завтраком, и рядом сидели остальные: и мама, и папа, и братик Билли, присмиревший и донельзя напуганный; Фанни накрывала на стол, и отсутствовала только сбежавшая Джессика.

А так всё то же самое.

Дом тщательно прибран, не осталось никаких следов визита департаментских; как и обещал лорд Спенсер, их официальная депутация явилась на следующий же день, низко кланяясь и бормоча формальные слова формальных же извинений.

Папе Медицинское управление Горного Корпуса прислало – со срочным курьером! – по всей форме выправленное послание с выражением «глубочайшего сожаления за прискорбный инцидент» и надеждой, что мистер Джон Каспер Блэкуотер, M.D., в самом ближайшем будущем вернётся на работу, от которой его так поспешно и нерасчётливо освободили. Разумеется, с достойной компенсацией и предложением офицерского патента (что в Норд-Йорке давало немалые привилегии).

Маме разом пришло аж восемь приглашений на званые обеды. И три письма с предложениями гувернанток для Билли, все – с превосходными рекомендациями.

Лучше и не бывает, мрачно думала Молли, вяло ковыряя вилкой в своём когда-то любимом пироге с говядиной.

Никто не задал ей ни одного вопроса. Вообще – ни одного. Ни даже самого простого: «Где ты пропадала, мисси?!» Не обсуждалась даже выдуманная лордом Спенсером история с «егерями». Никто не упоминал уроков вышивания или шитья. Молли её собственная семья обходила, словно зачумлённую, – все, даже неугомонный братец Билли. Видно было, что ему

до смерти хочется вцепиться в старшую сестру с расспросами, но ему это строго-настрого воспрещено.

Все старательно делали вид, что ничего не случилось. Вообще ничего.

И потому над столом висело похоронное молчание. Улыбалась – причём как-то очень искренне и особенно тепло, когда смотрела на Молли, – лишь их верная Фанни.

– Миссис Анна, пудинг сегодня удался, как никогда. Позвольте вам предложить?.. Мистер Джон, мистер Джон, вы ужасно бледны. Вам бифштекса с кровью прибавить?.. Нет-нет, мистер Джон, и слушать ничего не хочу! Вы меня наняли, чтобы я вас хорошо кормила, так что не мешайте мне делать мою работу!

– С-спасибо, Фанни, милочка... – вяло сопротивлялись мама и папа, но та, с невесть откуда явившейся решительностью, властно взяла всё в свои руки.

Мама, бедная бледная мама взидала на Молли с каким-то первобытным ужасом. И ни о чём не спрашивала. Почти даже и не разговаривала, редко покидала спальню, ссылаясь на «сильнейшие мигрени».

Папа глядел беспомощно и растерян. Молли надеялась, что он, в отличие от мамы, захочет расспросить, поговорить, узнать, что же с ней в точности приключилось, – но папа тоже молчал. Всё, что ему удавалось из себя выдать: «Как дела в школе?» – при том, что ответ Молли давала сознательно длинный, подробный и чуть ли не восторженный (хотя имевший весьма мало общего с реальностью), всё, как нравилось папе раньше, – он даже не выслушивал, лишь механически кивая и глядя куда-то сквозь неё.

Папа глядел сквозь неё, и в глазах его был ужас. Как и у мамы, хотя ему-то как раз пугаться и не полагалось. Он же папа, большой и сильный, не испугавшийся самого лорда Спенсера!..

Папин ужас – это было тяжелее всего.

И нарушил это отвержение, это отталкивание не кто иной, как братец Билли, – в первую же ночь, которую Молли провела под родным кровом, пришёл к ней, таща за лапу любимого плюшевого медведя, от которого мама безуспешно пыталась беднягу отучить, ибо «такие игрушки только для самых-самых крошечных малышей, Уильям, не для молодых джентльменов, как вы!».

– Молли... – Он осторожно подёргал её за руку. – Молли, ты не спишь, нет?

– Нет. – Она резко села в постели. – Ты чего, братец? Что стряслось?

За плотно занавешенными окнами спал Норд-Йорк, но Молли всё равно казалось, что, проникая сквозь стены, крыши и перекрытия, ей в затылок упирается холодный взгляд лорда Спенсера.

– Страшно, – прохныкал Билли. – Смотрят... из углов смотрят...

Молли замерла. Лихорадочно сгребла братца в охапку, прижала к себе – на правах старшей сестры. Эх, сейчас бы Ди сюда, она, как никто, умела прогонять ночные страхи...

– Кто смотрит? – Она изо всех сил старалась, чтобы голос не дрожал. – Никто тут на тебя смотреть не может. Честное слово.

– Смотрят. – Братик уткнулся носом ей в шею, обхватил обеими руками – вредина-сорванец Билли, обожавший дёргать сестрицу за косички!

– Ну, хочешь, я с тобой туда пойду? Убедимся, что никого нет?

Но Билли лишь молча замотал головой, плотнее прижимаясь к сестре.

– Молли, ты ведь такая смелая, ты ведь их не боишься... Ты у варваров была, и то не испугалась...

– Конечно, не боюсь, – ничтоже сумняшеся подтвердила Молли. Хорошо бы только, чтобы зубы не стучали, – было что-то в Биллином голоске, от чего кровь стыла в жилах. – Ну не хочешь, тут оставайся! Только учти, будешь пинаться – я тебя на пол скину! А под

кроватю, сам знаешь... – Она осеклась, потому что обычная её шутка про «монстров под кроватю» явно готова была столкнуть братца в самую настоящую истерику – губы у него уже кривились и дрожали.

– Всё-всё-всё. – Молли поспешно обняла брата. – Вот, ложись к стене, им, чтобы до тебя добраться, придётся сперва со мной справиться! – Она воинственно расправила плечи.

– П-правда? – Билли не заставил просить себя дважды, мигом закутавшись в одеяло с головой.

– Правда, правда, – вздохнула Молли, кое-как пристраиваясь рядом на узкой постели. – Спи давай. И чур, не пинаться! А то, ей-богу...

Но Билли уже спал, блаженно и безмятежно улыбаясь. Плюшевый медведь таранился глазами-пуговицами в темноту, заступив на бессонную свою стражу.

Молли лежала, тоже не смыкая глаз, поневоле уподобившись Биллиной игрушке.

Сквозь тонкие занавески пробивался свет полной луны. Тучи над Норд-Йорком наконец-то разошлись, поздние, не по сезону, снегопады прекратились, и Молли надеялась, что уж хоть теперь-то весна наконец окажет себя.

Именно в этот момент она и ощутила взгляд.

Самый настоящий взгляд. Странное чутьё, обострившееся за время её ученичества у госпожи Старшей, почти не давало сбоев.

На них с Билли смотрели. Нет, это была не просто память о буравящем взоре лорда Спенсера – ни о нынешнем, ни о прежнем, когда он глядел на Молли сквозь броню «Геркулеса» или когда она пряталась со Всеславом и Волкой на лесистой гряде, смотря на суетливый муравейник королевского форта внизу. На девятого эрла это не походило нисколько.

Это были настоящие взгляды, и исходили они и в самом деле точно из стен её спальни.

Молли стиснула зубы, чувствуя, как волосы на шее становятся дыбом. Газ в её комнатке не горел, мрак вольно раскинулся вокруг, спеленал чертёжную доску, залёг, затаился под столом и, словно тёмная вода, подбирался к самой кровати.

Что-то было не так. Что-то было очень сильно не так!

Локоть. Ладонь. Тепло в пальцах!..

Молли аж закричала зубами от сосущей, тянущей боли внутри. От распирающей пустоты там, где, как она теперь знала, жила раньше её магия.

Она чувствовала, что цепенеет под злобными и холодными, но в то же время какими-то пустыми взглядами. Нужно было протянуть руку, взять спички, встать на стул, отвернуть кран, зажечь газовый рожок, прогнать этот проклятый мрак, тем более что...

Тем более что смотрят-то по большей части и впрямь на братца, вдруг поняла она. На неё тоже, но больше – на него.

«Трусиха! – заорала она на себя. – Волка с Всеславом тебя под пулями тащить не боялись. Госпожа Старшая тебя в горе прикрывать не боялась. Встала и пошла, девчонка!»

И для верности Молли аж впиалась зубами в собственное левое запястье.

Боль. Резкая, острая. Это помогло – Молли единым махом соскочила с кровати, бросилась к стулу. Руки тряслись, и она вновь прикрикнула на себя – одним из варварских слов, что поневоле выучила за Карн Дредом.

Мама упала бы в обморок, узнав его значение, равно как и то, что значение это известно её двенадцатилетней дочери. Ну, почти уже тринадцатилетней, если точно...

Спичка вспыхнула с сухим треском, и тотчас же ожил, распускаясь, голубоватый язычок пламени в газовом рожке. Мрак поспешно отступил, прячась под кроватю и за столом. Взгляды исчезли, но не сразу, не в единый миг, что лишь подтверждало Моллины подозрения – всё случившееся было отнюдь не ночными фантазиями Билли и не её выдумкой, не игрой её воображения.

Братец мирно спал, притискивая к себе своего медведя и, разумеется, заняв всю постель. Молли поглядела на него, усмехаясь и чувствуя себя в этот момент совсем-совсем взрослой.

Что ж это такое за гости непонятные, подумала Молли. Когда всё только начиналось, ничего подобного я не видела и не ощущала. И на тени, что напали под Чёрной горой, когда я замыкала цепь, это не походит... Нет, точно, не прошло даром обучение у госпожи Старшей, не прошло! Может, магии у меня и не осталось, а вот чуют их могу теперь куда лучше!

Какое-то время Молли сосредоточенно думала, не похожи ли эти ночные гости на всяческих брауни, обитавших во владениях Rooskies; пришла к выводу, что «быть может», а точнее сейчас и не скажешь.

Впрочем, они убрались восвояси. И теперь...

А ну-ка, Моллинэр Эвергрин Блэкуотер, попробуем всё заново. Локоть-ладонь-пальцы!.. Тепло в кончиках!.. Я кому сказала, локоть-ладонь-пальцы! Тепло, тепло должно быть! Не стараешься, лентяйка, ремня захотела?! Это у меня быстро!

Молли чуть не подпрыгнула. Она готова была поклясться, что слышит хорошо знакомый хриловатый старческий голос госпожи Старшей.

Девочка завертела головой – но нет, нет, что это с ней?.. Конечно, никакой госпожи Старшей тут нет и быть не может. Просто ей, Молли, очень-очень хочется услышать старую volshebnitzu народа Rooskies, вот и кажется невесть что... Так, не отвлекайся, мисси! Руку на локоть! Ладонь раскрыть! Тепло в пальцы!..

...Ничего. Совсем ничего, пустота, никакого отклика. Магия ушла, растрченная там, на поле под Мстиславлем. Молли и в самом деле нечего бояться Особого Департамента, ничего они в ней не сыщут при всём желании.

Но... ужасно хотелось реветь. Уткнуться носом в подушку и разреветься, словно какая-нибудь Кейт Миддлтон, которую обошли приглашением на новогодний бал с пэрами – событие редкостное и потому особенно ценное.

Молли опустила голову. Слезы закапали сами собой, срываясь и падая на обтянутые ночной сорочкой колени.

Держись, Моллинэр Эвергрин! Держись, слышишь! Тебе есть кого защищать! Тебе есть за что драться!..

Она решительно вскочила, подкрутила колёсико рожка, делая пламя самым ярким, какое только возможно.

Пусть у них всё будет хорошо, вдруг взмолилась она, прижимаясь пылающим лбом к ледяному стеклу и глядя на громадную полную луну, нависшую над мрачным городом. Пусть у них всё будет хорошо, у Волки и у Медведя, пусть они вернутся домой живыми и невредимыми!.. Их ждёт другая война, там, за перевалом. А ей, Молли, предстоит сражаться здесь, в Норд-Йорке, и противник будет, пожалуй, пострашнее тех паровых ползунов да шагоходов.

Лорда Спенсера так просто не обмануть, вокруг пальца не обвести. И огненным молотом не ударишь, как те бронепаровики у гибнущего госпиталя. Думай, Молли, думай!.. Надо разузнать как следует, что за таинственный «связной» забрал её письмо, и, если это на самом деле Всеслав или Таньша, сделать так, чтобы они ни в коем случае не попались. Предупредить их любой ценой, потому что они нужны там, за перевалом. Rooskies зависят от них, Таньша же говорила, что так мало молодых магов, кто способен обращаться в животных!..

Их надо спасти, мисс Моллинэр, как угодно, но спасти!..

А для этого надо обхитрить лорда Спенсера. Быть послушной, быть исполнительницей. Делать всё, что он говорит, и даже больше. В конце концов, она, Молли, всегда умела отлично ладить даже с самыми строгими и придирчивыми учительницами.

Лорд Спенсер ещё не знает, с кем связался!

Молли отошла от окна. Как бы то ни было, она не одна. Кто-то в Норд-Йорке помогает ей, и помогает по-настоящему. Как иначе бы исчезло её письмо из «тайника»?

Это немного успокаивало.

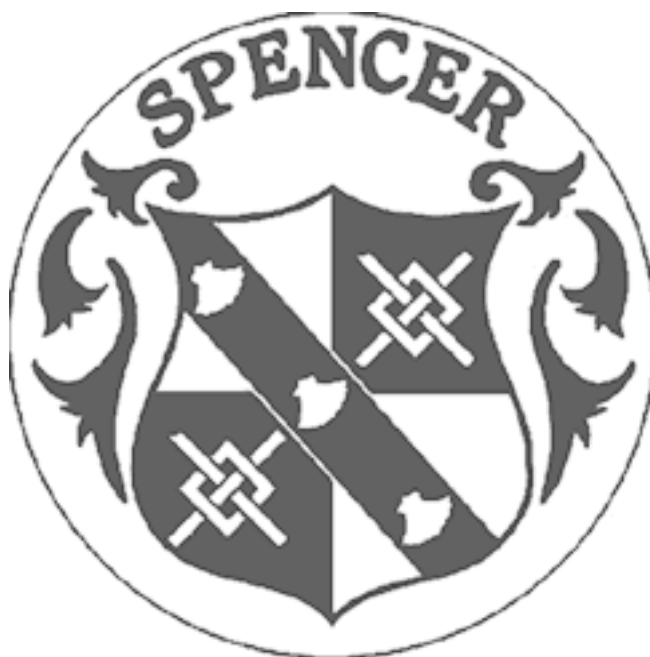
Она не одна. Она не была одна в лесах за Карн Дредом, и она не одна здесь.

Молли решительно оттолкнулась обеими руками от оконной рамы. Пусть смотрит, пусть пялится на неё темнота, она ничего не получит. Ни папы, ни мамы, ни братика, ни Фанни. Ни её, Молли.

Решительно подвинув разметавшегося братца к стене, Молли устроилась рядом. Закрывает глаза и мигом провалилась в сон.

* * *

Утром, перед школой, негромко звякнула и зашипела паропочта. Фанни, поджимая губы, внесла на подносе официального вида конверт – конверт, украшенный большой сургучной печатью и большим гербом:

Мама, едва увидев, отшатнулась, мелодраматически закрыла лицо руками, словно перед ней возник, самое меньшее, семейный призрак.

– Дорогая! – тотчас бросился к ней папа. – Фанни, милочка, помогите хозяйке!

Общими усилиями маму усадили в кресло, дали нюхательных солей.

Молли осталась стоять, вертя в руках злосчастный конверт.

– Ох, ох, ох, – стенала мама; теперь она прижимала ладонь тыльной стороной ко лбу, похожая на героиню трагической оперы, – что же теперь будет, что будет?!

– Ничего не будет, миссис Анна, – вдруг твёрдо и решительно сказала Фанни. – Вот, выпейте, миссис. Всё хорошо. Мисс Молли вернулась. Особый Департамент не имеет к ней претензий. Надо жить дальше, и вам, миссис Анна, и вам тоже, мистер Джон!..

– Да как же... но что же... – Мама закатывала глаза.

– Да ничего ж, миссис Анна, – пожала плечами Фанни. – Спросите наконец у мисс Молли, что с ней случилось за эти месяцы, а то ж никто и не заговорил с ней толком! Как

язык у вас отморозило, миссис Анна, да простятся мне эти слова! – Фанни упёрла руки в боки, грозно воззрившись на несчастную маму. – А вы, мистер Джон? Дочь вернулась, вы перед этим Спенсером не спасовали, со скованными руками стоя, – а теперь молчите?!

Мама только глядела на развоевавшуюся Фанни широко открытыми глазами и, казалось Молли, тихонько икала. Папа смущённо потупился, принявшись лихорадочно протирать свой многолинзовый монокль.

– Фанни, милочка... мы думали... мы полагали... что не стоит беспокоить нашу дочь требованиями... донимать её расспросами...

– Ваша дочь, мистер Джон, уж простите меня за прямоту, – нацелилась половником прямо в него Фанни, – вернулась из-за края мира, куда доселе вообще мало кто попадал. А она не только попала – она вернулась! А вы, мистер Джон?!. Смотрите на неё, ровно это неведома зверушка!

Мама продолжала несколько театрально стонать, папа яростно полировал монокль, не глядя ни на Молли, ни на Фанни. Один Билли стоял разинув рот и глаза то на родителей, то на сестру, то на служанку.

– Мама, папа, – вдруг заговорила Молли. – Я убежала... сама. Убежала, потому что думала – у меня... магия. И я погублю вас всех. Слушайте, что было дальше...

Она говорила и говорила. Вспоминала тоннели под Норд-Йорком, бронированную громаду «Геркулеса» в скрещении лучей прожекторов, исполинский эллинг, мисс Барбару Уоллес и мистера Реджинальда Картрайта, старшего боцмана и старшего офицера бронепоезда, свой путь к сражающемуся Горному Корпусу, бой «Геркулеса», мчащуюся прямо навстречу залпам Седую, медведицу, которую не брали ни пули, ни снаряды; охваченную огнём фигуру, что прожгла собой броневые плиты, обратив половину бронепоезда в месиво изглоданного пламенем металлолома; вспоминала волка и медведя, зверей, которых изменила – почти до разумности – магия народа Rooskies, что вытащили её прочь из боя.

Молли говорила почти чистую правду. Почти.

Мама слушала, приложив ладони к щекам, с расширенными глазами, и только тихонько ойкала. Папа кусал губы, нервно сплетая и расплетая пальцы, Билли просто замер и, похоже, даже дышать перестал; а вот Фанни слушала одобрительно кивая и улыбаясь.

А история Молли шла дальше и, против её воли, – к сожжённой деревне с торчащими печными трубами, где, накрытая настоящей скалой, дремала братская могила; папа понурился и вновь прикусил губу, уже явно сильнее. Фанни пригорюнилась, склонила голову, и в уголках её глаз что-то блеснуло.

Молли вспоминала перевал и свист пуль над головой. Мама слабо охнула, и тут Фанни вновь пришлось приводить её в чувство. А у Молли перед глазами по-прежнему стояла та ночь и ползущие по снегу прожекторные лучи, прикрывающая отход Волка и липкая тёмная кровь на боку Медведя.

Её Медведя.

Дальнейшее было уже легче. В конце концов, ни о Младшей, ни о Средней, ни о тем более Старшей рассказывать не требовалось.

О своём «плене» Молли говорила, само собой, скупно. Сидела, дескать, взаперти, помирала от скуки. Кормили хорошо, видишь, Фанни, даже не похудела.

– Да, не похудела, только вытянулась, – улыбалась служанка. – Ну, а потом?

А потом её отпустили домой. Горный Корпус отходил на юг, и Rooskies не стали удерживать её дольше. Просто не хотели. Освободили безо всякого выкупа, доставили до окраин Норд-Йорка и ушли обратно в свои леса...

– А дальнейшее вы знаете, – слегка охрипнув, закончила Молли.

Тишина. Сидят задумчивые мама и папа, и только сейчас Молли видит, что они совсем по-детски держатся за руки. Улыбается Фанни, по-прежнему улыбается, и именно она нарушает молчание:

– Молодец, мисс Молли. Ты огромный молодец. Всё сделала правильно, всё, слышишь!.. И Rooskies эти – тоже люди, выходит, отнюдь не варвары!..

Молли потупилась.

– Фанни, милочка, – поспешил перебить служанку папа. – Я вас умоляю, не надо лишних слов, здесь и стены могут иметь уши!

Фанни кивнула, умолкла, но глаза её горели по-прежнему.

– Молли, милая... – Казалось, папе очень-очень трудно подбирать слова. – Мы... мы очень переживали... Мы не знали, что думать... Мы заявили в полицию... но они нам сразу ответили, что скорее всего никто ничего не найдёт... А мой знакомый детектив, Эванс-младший, я как-то доставал пулю у него из ноги, так вот, этот Эванс мне и говорит, дескать, скорее всего – сонная болезнь, многих пропавших девочек-подростков так и находили, не замёрзшими, не... как-то ещё, а именно от сонной болезни, и мы с мамой... Ох... – Голос папы прервался, он прикрыл глаза дрожащей ладонью. – А сейчас как раз несколько случаев... один за другим, чуть ли не дюжина по всему Норд-Йорку...

Молли бросилась, обняла его – своего папу, вдохнула привычный запах лёгкого табака, что он курил – исключительно на работе и никогда дома, – прижалась.

Папины руки уже не дрожали, они почти тряслись.

– Ох, Молли, девочка, мы так... мы так... – Это уже мама, и тоже обнимает.

...До письма лорда Спенсера дело дошло не скоро.

А когда дошло, никто из семьи не рискнул разрезать клапан конверта.

Молли сама взялась за папин резачок.

Обратным адресом значился просто «Куинс-парк, владение Блейнхейм».

Ну да, лорды и пэры не обременяют себя такими мелочами, как номера домов и почтовые индексы.

«Мисс Моллинэр, – без всяких предисловий начиналось письмо, – я имею надежду полагать, что мои указания вы выполняете в точности. Итак, мисс, завтра вы опустите в тайник очередное послание. Вы напишете следующее...»

И дальше, со ссылкой на «отца, что вернулся из клуба, где говорил со многими офицерами», следовали сведения, что Горный Корпус, понеся тяжкие потери, и помыслить не может о наступлении этой весной, пока с юга не доставят новую технику взамен подбитой и сожжённой в боях, а также пока не прибудет пополнение, особенно офицерами, понесшими особо обширную убыль.

«Письмо в тайник, мисс Моллинэр, вы положите завтра, от двух до трёх часов пополудни. После этого ожидайте дальнейших указаний, но пока что можете оповестить вашего отца, доктора Блэкуотера, что ему надлежит как можно больше брать вас с собой, в том числе и в те благородные собрания, что допускают отцов с дочерьми. Я могу особенно рекомендовать наверняка известный вам Пушечный клуб. Если Rooskies следят за вами (а они следят, я не сомневаюсь), вам необходимо бывать в таких местах, где вы на самом деле можете услышать разговоры офицеров Корпуса, в том числе и высокопоставленных. Думаю, даже Rooskies понимают, что мало кто из них будет как-то остерегаться присутствия юной мисс Блэкуотер.

Данное письмо, как вы понимаете, подлежит уничтожению. И я намерен сделать это собственноручно. Сохраните его в надёжном месте, вместе с конвертом, для передачи мне лично. Примите, мисс Моллинэр, и проч.»

Молли дочитала письмо. Потом перечла ещё раз. Подняла глаза – папа и мама глядели на неё, словно нашалившие дети. Ужас перед Особым Департаментом – хотя ещё непонятно,

какую роль в нём играет девятый эрл Спенсер, – у жителей Норд-Йорка сидел, как говорится, в костном мозге.

– Пушечный клуб!.. – присвистнул папа, когда Молли зачитала ему эту фразу из письма лорда. – Но я там даже и не состою! Слишком дорого!.. Пять тысяч фунтов только вступительный взнос!..

– Тут приписка, папа. «Доктору Блэкуотеру не стоит беспокоиться о формальных сторонах его членства в Пушечном клубе. Достаточно лишь переговорить с секретарем, мистером...», ну и так далее, пап.

– Пушечный клуб, дорогой... – раздался из кресла слабый, но твёрдый голос мамы. – Пушечный клуб!.. Это же мечта!.. Подумай о всех возможностях для Молли, если она будет там принята!.. Какие блестящие партии для неё можно будет отыскать!..

– Гм, – смешался папа. – Об этом я не подумал, да...

– Вот именно! Почаще думай о нас, дорогой, почаще думай!..

Разговор начинал обретать привычное течение, и на душе у Молли потеплело. Как же она скучала по этому всему, даже по таким вещам, как мамины и папины пикировки!..

– Прикажете подавать десерт, миссис Анна? – Фанни подмигнула девочке.

– Да, да, милочка, подавайте... думаю, сегодня такой день, что можно не считать порции.

– Ур-р-ра! – завопил оживившийся братец Билли.

...И если не всё, то многое пошло как прежде в доме доктора Джона Каспера Блэкуотера.

Письмо лорда – ту его часть, что предназначалась несуществующему, по мнению Молли, «связному варваров», она старательно переписала. Переписала, не изменив ни буквы, ни запятой. Достойный лорд умел излагать свои мысли тем стилем, который считал нужным, – то неумеренно-официальным, а то сбивчивым, как и полагалось писать школьнице двенадцати лет.

– Мама, могу я выйти на улицу? – смиренно спросила Молли назавтра, делая книксен и в лучших традициях благовоспитанности складывая руки внизу живота.

Нет, кое-что всё-таки изменилось. На Молли были её любимые куртка, шлем и штаны, заправленные в высокие ботинки со множеством застёжек. Раньше мама, хоть и позволяла выходить в таком виде на улицу, не упускала случая прочитать краткую нотацию на тему, как следует и как не следует выглядеть юным мисс из хороших семей – а теперь она только кивнула.

Тучи разошлись, солнце светило вовсю, шумели и дрались воробьи, к ним хищно подкрадывались тощие бродячие коты. Плэзент-стрит враз ожила, засверкали отмытые витрины, и даже всегдашняя угольная гарь отступила, потому что с моря пришёл свежий и сильный ветер, гнавший смог прочь, в глубь земель.

Удивительное дело, но Молли даже смогла стянуть вниз к подбородку всегдашнюю свою маску.

Ну и дела!.. Обычно всё обстояло как раз наоборот. Худшим временем года в Норд-Йорке была, понятно, зима, но и весной, хилой, робкой и долгой, дело обстояло не лучше. Ветры словно отправлялись на отдых после январских и февральских буранов, воздух застывал в неподвижности, и гари было просто некуда деться.

Сейчас же – словно исполинский вентилятор, приводимый в движение тысячами и тысячами паровых машин, ветер гнал прочь скопившуюся сажу.

Молли вприпрыжку добежала до нужного места. По пути она старательно озиралась, дабы убедить соглядатаев Особого Департамента, что она «соблюдает меры предосторожности».

Втайне она надеялась увидеть Волку или Медведя, но никто из них, конечно же, не показывался. Только теперь Молли сообразила, что лорд Спенсер никак не смог бы проверить, в точности ли переписала она его послание или что-то добавила от себя.

Это было странно и даже неожиданно. С чего бы это он вдруг? Потратил столько слов, чтобы объяснить ей все беды и ужасы, могущие проистечь из её непослушания, заявил, что проверит каждую буковку и каждую запятую, а теперь?..

Нет, конечно, может, он решил, что запугал её достаточно?

Так быстро? Не похоже на хитрого и осторожного лорда...

Что же тут кроется, терзалась Молли. Её хорошее настроение враз улетучилось, и мысль о том, что лорд Спенсер каким-то образом может «подглядеть», что именно она пишет, её уже не покидала.

А всё это закономерным образом вновь и вновь приводило её к тому же вопросу – точно ли в Империи под запретом *вся* магия?

Молли не верила в существование «тайных чародеев Её Величества». Просто потому, что в таком случае им следовало бы быть на фронте. Она говорила это себе множество раз. Лорд Вильям (вернее, его голова) в доме госпожи Старшей утверждал то же самое со всей ответственностью, а он, как убеждена была Молли, не врал и вообще был бы, наверное, славным дядькой... если б ему не случилось сделаться командующим Горным Корпусом.

Так или иначе, она послушно опустила тщательно запечатанную записку в тайник. Беззаботно насвистывая, двинулась прочь, думая о том, что, раз уж не хочется возвращаться домой, вполне можно было б отправиться и туда, где раньше обитал Билли Мюррей, поспрашивать о нём – хотя едва ли ей что-нибудь скажут. Исчезала, потом снова появилась... уличные мальчишки Норд-Йорка отличались подозрительностью даже к тем, кого, казалось бы, числили у себя в друзьях.

Но если не к Билли, то куда?..

Боже, какая ж она тупая. Эллинг «Геркулеса», конечно же!.. В конце концов, если Особый Департамент не имеет к ней претензий, то... она ведь остаётся юнгой! А мисс Барбару и мистера Реджинальда должны были восстановить на службе! И извиниться перед ними!

Ноги сами понесли Молли к остановке паровичка.

...К эллингам «Геркулеса» она подходила спокойно, словно имела полное право тут ходить. Часовой в полосатой будке у входа, с пузом и редкой в Норд-Йорке курчавой чёрной бородой (нестроевик, наверное, решила Молли) протянул было руку:

– Мисс?..

– Мисс Моллинэр Блэкуотер. Дочь доктора Блэкуотера, – надменно бросила Молли, невольно поблагодарив про себя задаваку Кейт Миддлтон, которую сейчас скопировала.

Она была готова, что её остановят, что начнётся разбирательство... однако часовой лишь уважительно кивнул.

– Прошу, прошу, мисс. Доктору, пожалуйста, передайте привет и благодарности от Джэксона, значит, от Питера Роберта Джэксона, он мне ногу спас как-то, прямо на снегу пулю вытащил, вовек не забуду... Передайте, пожалуйста, мисс!

– Обязательно передам, мистер Джэксон, можете не сомневаться!..

Она миновала будку, краем глаза заметив торчащую из-под прилавка толстую книгу, которую нестроевик Джэксон, похоже, тайком почитывал на скучном дежурстве, – «Путешествие Туда и возвращение Обратно».

Ворота громадного эллинга были широко распахнуты. Доносился грохот, работали паровые молоты.

Изувеченный в последнем бою бронепоезд чинили всю зиму. Заказанные для него бронев вагоны ещё не доставили с юга, и велено было «использовать подручные средства».

От «Геркулеса» тогда осталась ровно половина, да и та оказалась покалечена. Молли замерла в проёме широченных врат, глядя на некогда грозную махину, сейчас беспомощно задрывшую хоботы молчащих гаубиц.

Уничтожена была вся передняя часть бронепоезда, и теперь там ставили вооружение на новые вагонные рамы, на скорую руку – видела Молли – забронированные. Не чета, конечно, прежнему «Геркулесу», но ничего, скоро уже придут с юга новые вагоны взамен уничтоженных...

Она осеклась. «Геркулес» покинет эллинг и вновь устремится туда, в горы, сеять смерть и разрушение. Его снаряды обрушатся на головы Предславы Меньшой, Волки и... и Медведя.

На голову Медведя, о котором она, Молли Блэкуотер, вспоминает непозволительно много.

Как она может думать – ничего, мол, скоро новое поставят взамен уничтоженного?!

Молли ощутила, как щёки у неё запылали. И так и стояла в растерянности, когда вдруг за спиной раздался знакомый голос:

– Мэг... ты ли это?! Вернулась? Живая?!

Молли резко обернулась.

Госпожа старший боцман, в замасленном комбинезоне, с разводным ключом в руках. Губа прикушена, пальцы теребят винтовую головку.

Она словно остановилась на бегу. Наверное, хотела обнять её, Молли, но... вовремя вспомнила.

– Мэгги... или...

– Простите меня, мисс Барбара... – Молли опустила голову. – Я... я не Мэгги. Молли меня зовут, Молли Блэкуотер.

Барбара слабо улыбнулась. Слабо, но тепло и участливо.

– Ничего, мисс Молли. Я понимаю. Не всё говорить можно было. Но... ты всё равно молодец! Особый-то Департамент копать копал, да недовыкопал! Извинились передо мной, по всей форме! Регалии все вернули, даже премию заплатили, «за беспокойство»!.. Да, навела ты шороху, мисс Молли! Эх, жалко, не могу тебя больше юнгой назвать, списали тебя, что называется, с потрохами, вместе со мной и мистером Картрайтом. Нас-то вот восстановили, всё обратно отдали, на должность прежнюю поставили, извинения аж вручили, на гербовой бумаге писанные. – Она фыркнула. – А тебя нет...

– Я теперь и не могу, госпожа старший боцман...

– Да понятное дело, что не можешь, – вздохнула та. – Доктор Блэкуотер – кто ж его не знает... Его и дрезинку ту приметную.

Молли заморгала. Мисс Барбара улыбалась, она действительно не злилась на неё за обман, была рада, что та вернулась, но...

Но что-то стояло меж ними, и Молли знала, что именно.

Бешеный, отчаянный выкрик «доченька!...».

И её магия.

И Молли кинулась головой в омут, не в силах выносить эти ложь с недосказанностью.

– Мисс Барбара... то, что вы тогда видели, в бою...

Госпожа старший боцман потупилась.

– Мисс Молли, я...

– Особый Департамент меня проверил, – зачастила Молли, с трудом заставляя себя смотреть прямо в лицо мисс Барбаре. – Проверил меня, госпожа старший боцман, проверил и отпустил!.. А то, что вы видели... это было не от меня, честное-пречестное, не от меня!..

Молли покраснела. Врать вот так, прямо в лицо, в открытую, она не умела... Но что ещё поделать?..

Ведь, в конце концов, это госпожа старший боцман не покладая рук трудится, чтобы гаубицы «Геркулеса» вновь убивали бы «варваров». Чтобы, если повезёт, убили бы Волку и Медведя...

Почему мне неловко ей врать, вдруг подумал кто-то колючий и злой глубоко внутри Молли. Потому что она назвала меня доченькой? Но если б она служила на одном из тех бронированных ползунов подле госпиталя в лесу или возле Мстиславля, ты убила бы её, Молли Блэкуотер. Убила бы и не поморщилась. Поэтому не прикидывайся овечкой. Ты выбрала.

...И, как ни странно, стало легче.

Госпожа старший боцман хорошо к ней относилась. Она заслужила немного тепла и утешения. Пусть знает, что с девочкой Молли Блэкуотер, известной также как Мэгги Перкинс, всё в порядке.

Пусть лучше так. Лучше притвориться, понимая, на какой ты стороне.

– Они мне сказали, что это была магия варваров. Они умеют её использовать, мисс Барбара, только тс-с-с! Это страшная тайна!

– Ого! – Госпожа старший боцман подобралась, посерьёзнела. – Ну, я так и думала, Мэг... прости, мисс Молли, не привыкла ещё. Я-то так и подумала, это другие дураки да трусы завопили... – Она осеклась.

– Чего завопили? – с самым невинным выражением осведомилась Молли. – Я ничего не помню, мисс Барбара...

– А, да так, – с явным облегчением заторопилась госпожа старший боцман. – Со страху орала ерунду всякую. Так ты говоришь, эти Rooskies на такое способны?

– Да, мисс Барбара. – Молли заговорщически понизила голос. – Они ведь как «Геркулес» – то подбили? Маг ихний на него бросился! Они ж от магии, как и мы, помирают, только, когда их срок приходит, вот так вот на нас кидаются!.. Мне это в Особом Департаменте сказали, сам лорд Спенсер и сказал!

– Ну и ну! – Глаза у госпожи старшего боцмана аж округлились. – Лорд Спенсер! Сам! Ни за что не поверила бы, кабы не от тебя услышала, Мэг... то есть Молли. Значит, не сказки то были, про Седую-то... а я Монса, беднягу, за это галыюны отправляла чистить...

– Всё правильно делали, госпожа старший боцман! Мне вам – и только вам! – его светлость лично разрешили рассказать, вы, мол, не подведёте! А такие, как Монс, он говорил, только панику сеют.

– Точно! – просияла мисс Барбара. – Паника на бронепоезде страшнее всего, случилась – пиши пропало!.. Так вот, значит, почему мы обратно на перевал-то попятимся... Теперь понятно. Не волнуйся, мисс Молли, что ты мне сказала, во мне и умрёт. Не сомневалась я, что с тобой всё в порядке, только не знала, как объяснить... а оно вот, оказывается, как просто повернулось-то! Ну, рассказывай теперь, рассказывай, как оно всё дальше-то с тобой было, куда тебя уволокли, что с тобой потом случилось, как домой вернулась?..

...Рассказ Молли поневоле длился долго. Барбара требовала подробностей плена, а их-то как раз у Молли и не хватало. Приходилось отговариваться, как и с лордом Спенсером, – держали взаперти, обращались хорошо, кормили, не обижали, потом отпустили.

Рассказала она и про «егерей», что должны были её «спасти», по версии Особого Департамента. Мисс Уоллес только фыркнула.

– Понятное дело. Им деваться некуда. Нельзя говорить, что варвары тебя в плен взяли, куда ж это годится?.. Так что да, готовься, мисс Молли. Спасибо тебе, что поделилась, что предупредила. Я господина старшего офицера тоже предупрежу... негласно, чтобы он не удивлялся. Но правильно, правильно делают!..

Она повторяла это на разные лады, словно убеждая саму себя.

Впрочем, госпожа старший боцман не обижалась на Молли. Не боялась её и не верила в её «магию». И это сейчас было главное.

Может быть, настанет день, вдруг отрешённо подумала Молли, когда я буду стоять в белом маскировочном халате под вековыми соснами, наблюдая, как надвигается пышущее дымом и паром бронированное чудовище, готовое изрыгнуть огонь; наблюдая и готовясь его встретить.

Что за чепуха, мелькнуло следом. У неё, Молли, и магии-то никакой не осталось... Так что пусть мисс Барбаре Уоллес хоть в этой малости станет легче.

– Но всё равно, – проговорила меж тем госпожа старший боцман, наконец дослушав повествование девочки, – хоть папа твой и доктор Блэкуотер, а лупить тебя так, как он лупил... – Она покачала головой. – Мистер Картрайт вообще на дуэль его вызвать хотел, после того как узнал, что он... что ты... что ты его дочь, в общем.

Молли прикусила язык, с которого уже готово было сорваться, что, мол, никто её никогда не бил и она понятия не имеет, откуда взялись те следы; нельзя, нельзя, надо молчать!

После её повествования разговор как-то очень быстро выдохся. Госпожа старший боцман почему-то не рвалась рассказывать о том, что – в деталях – случилось с ней самой; не рвалась и делиться нынешней судьбой бронепоезда. Наступило неловкое, странное молчание.

– Ну, бывай здорова, мисс Молли, – поднялась наконец Барбара. – Смотри, одевайся тепло, говорят, сонная болезнь в Норд-Йорке опять, несколько случаев было, а она, все знают, от холода проистекает, когда промёрзнешь. Рада я, от всей души рада, что домой ты вернулась... – Госпожа старший боцман улыбалась, но за улыбкой пряталась грусть, и куда-то ушла из неё та сердечность, которую Молли запомнила, пока юнгой бронепоезда «Геркулес» сновала по его вагонам с набором гаечных ключей.

– До свидания, мисс Барбара! Я так рада, что с вами и мистером Реджинальдом всё в порядке! Я буду тепло одеваться, обещаю!..

Госпожа старший боцман как-то кривовато усмехнулась и неуверенно похлопала «Мэгги Перкинс» по плечу на прощание.

Идя сюда, Молли надеялась, что...

Да, на что ты надеялась, идя сюда? Что госпожа старший боцман раскается в том, что служит на бронепоезде, осыпавшем «варваров» снарядами? Никогда такого не случится. Никогда и ни за что. «Империи нужно», и это оправдывало всё. Значит, у мисс Барбары Уоллес, где бы она ни служила, всегда будут надраены до зеркального блеска все до единой медяшки, в идеальном порядке будут содержаться все паропроводы, котлы и иные механизмы – а на головы Rooskies будут падать взрывающиеся подарки в десятки фунтов весом.

А ещё они с мисс Барбарой обе старательно делали вид, что не помнят, кому и как кричала срывающимся голосом «доченька!» госпожа старший боцман...

Молли ехала обратно к дому. На душе было смутно и нехорошо. Чего ждала она от этого разговора? Она призналась мисс Барбаре, извинилась за обман. Госпожа старший боцман на неё не сердится. Не подозревает в том, что она – ведьма. И мистер Картрайт, восстановленный в должности старшего офицера бронепоезда, на неё не сердится тоже. Всё хорошо. Но – что-то нехорошо.

Настолько нехорошо, что не усидеть на месте.

Нехорошо-то оно нехорошо, но что именно нехорошо? Что её смущает? Ну не разговоры же о сонной болезни, что так беспокоят папу?

Об этой напасти и впрямь всегда ходили всякие слухи, но случалась она не столь часто, не то что эпидемии, к примеру, холеры.

Нет, не это. Мисс Барбара? Разговор с ней?

Да, ей, Молли, нужно было нечто много большее от мисс Барбары. Наверное, наверное... наверное, нужно было вернуть ту изначальную веру, что она – хорошая. Что с ней

можно будет поговорить, и она таки подумает, что стрелять в варваров и убивать их за просто так всё же не слишком правильно...

Но ты ничего для этого не сделала, Молли Блэкуотер, вдруг услышала она словно бы голос госпожи Средней – так, как она обычно обращалась к ней мысленно, взяв лишь за руку, мягко и незлобиво. Ты ничего не сделала. Не рассказала ей о сожжённых деревьях и торчащих печных трубах, покрытых вечной копотью.

Она бы не поверила. А поверив, решила бы, что «так и надо». «Превратности войны», как писали в толстых приключенческих книгах, где герои Империи завоёвывали для неё новые колонии...

«Превратности войны».

Почему же они не могут понять? Они, хорошие люди, такие как мисс Барбара или мистер Картрайт?!

Молли не знала ответа. Ей просто было плохо от его отсутствия.

Молли вжалась лбом в стекло паровичка. Империял весь забит, публика радуется погожему дню и наступающей наконец-то весне, свежему ветру, унесённой им гари. Молли затаилась в уголке небольшого вагона, низко надвинув машинистский свой шлем и не поднимая кругляши очков.

Оставь в покое старшего боцмана Уоллес и старшего офицера, commodore Картрайта. Забудь о них. Ты взрывала шахоходы Империи и выворачивала наизнанку бронированные ползуны, вколачивая им в глотки огненные заряды. Ты дралась и убивала. И сейчас ты здесь, в Норд-Йорке, не для того, чтобы тихо ходить в школу, делать книксены и слушаться родителей. Не для того, чтобы просить прощения.

Ты здесь...

Но точный ответ на этот вопрос ей ещё предстояло получить. А пока что мысли крутились вокруг совсем иного: неведомый «связной» от Rooskies... Странная забывчивость такого подозрительного и недоверчивого лорда Спенсера... Неловкие взгляды и ещё более неловкое молчание с мисс Барбарой...

«Стой, а последнее-то тут к чему?» – заспорила сама с собой Молли.

Она не находила логического ответа. Но почему-то три эти вещи – «связной», лорд Спенсер, мисс Барбара – вновь и вновь выстраивались одной шеренгой.

И это было много больше, чем просто подозрения Особого Департамента, странное поведение пэра Империи или осознание того, что им больше не о чем говорить с мисс Барбарой, прежде готовой спасти её ценой собственной жизни.

Молли Блэкуотер казалось, что её отталкивает сам Норд-Йорк. Или даже не отталкивает... а предлагает жизнь, которая ей была категорически не по душе.

И Ди так и не возвращается...

Молли кое-как, понурившись, добрела до дома.

Мама и братик воззрились на неё со священным ужасом; папа ещё не вернулся, а вот Фанни, напротив, подмигнула и даже не стала фыркать, когда Молли кое-как побросала в прихожей верхнюю одежду.

– Вам опять письмо, мисс. – Служанка подала конверт с уже знакомым гербом на всегдашнем и непременно серебряном подносе, не забыв, разумеется, белых перчаток.

Лорд Спенсер не терял времени даром. Фанни же, судя по поджатым губам, послания его явно не одобряла.

Молли торопливо вскрыла конверт.

«Мисс Моллинэр, весьма предусмотрительно с вашей стороны было отправиться сегодня в эллинг. Я подготовлю соответствующие вашему походу известия, кои вы могли бы там получить. Напоминаю вам, что послезавтра – приём в Пушечном клубе, танцевальный вечер отцов и дочерей. Все формальности мной уже улажены. Доктор Блэкуотер сопрово-

дит вас туда. Не упустите случая послушать подлинные разговоры, что станут вести офицеры Горного Корпуса. Поделитесь ими впоследствии со мной, и мы включим часть их в ваши донесения для Rooskies. Как вы понимаете, эти донесения должны содержать известное количество настоящих, правдивых сведений.

Я надеюсь, вы оценили тот факт, что ваше письмо варварам отправилось без моей предварительной цензуры. Однако хочу лишний раз напомнить вам, мисс Моллинэр, что я всё равно располагаю обширным арсеналом возможностей, позволяющих мне быть в курсе всего написанного вами.

Примите и проч.».

Молли уронила руку с листком дорогой бумаги, в изобилии снабжённой персональными водяными знаками в виде родового герба Спенсеров.

Лорд знал всё. И не столько то, что она делает (тут как раз ничего удивительного не было), а то, что она думает.

А ещё лорд Спенсер очень, очень торопился.

Глава 4

Если дома стало чуть лучше, то в школе Молли пришлось солоно. Нет, не то чтобы от неё разбегались в ужасе, но сторонились, и не просто сторонились.

Личная, хоть и краткая беседа лорда Спенсера в сочетании с официальным посланием Особого Департамента, разумеется, произвели на бедную директрису, миссис Линдгроув, поистине неизгладимое впечатление – так, что её пришлось отпаивать валериановыми каплями, и Молли вернули в классы без единого писка. Естественно, у неё согласились принять экзамены экстерном, «когда мисс Блэкуотер будет благоугодно».

Девчонки же разбегались от Молли по углам, глядя на неё широко раскрытыми от ужаса глазами. Все как одна. Учительницы с трудом заставляли себя взглянуть на неё; никто не задал ей ни одного вопроса, и сидела она в середине пустого пространства – свободно было не только место рядом с ней, не только парты спереди и сзади, но даже и справа и слева через проходы!

С виду всё в школе было как и раньше. Краем уха Молли слышала разговоры о внезапно участвовавших случаях сонной болезни, но в их школе, к счастью, все оставались здоровы. Говорили также, что заболевших отвозили в специальную лечебницу в главном здании Особого Департамента; эти вести разносила Роза Уайлер, чей отец как раз и числился там мелким канцелярским клерком. Особый Департамент, видать, неплохо платил, если даже мелкий клерк мог позволить себе отправить дочь в дорогую частную школу!..

Но все разговоры разом смолкали, стоило Молли оказаться рядом, и девчонки торопливо расходились в разные стороны.

Не утерпев, Молли уже на следующий день решила, что в обществе и смерть, как известно, алого цвета («Na miru i smert' krasna»), и, подметив зазевавшуюся Кейт Миддлтон, известную гламурную задаваку, пошла на таран, словно паровой бронированный ползун.

Кейт узрела опасность слишком поздно, Молли уже отрезала все пути к отступлению из угла с фикусом подле окна, где означенная девица Миддлтон рассеянно глядела на медленно ползущую череду роскошных локомотивов – в город с весной вновь пожаловала изрядная депутация пэров.

– Кейти! Эй, Кейт! Привет, как дела?

– А-а-а-а-а... – Рот у бедняги Кейт открылся, она попятилась, судорожно цепляясь обеими руками за подоконник, словно Молли собиралась её хватать и куда-то тащить. – М-моллинэ-э-эр...

– С каких это пор я – Моллинэ-э-эр? – передразнила одноклассницу Молли. – Кейти, ты что, привидение узрела? Бледная, аки кафель в медкабинете у мисс Найтуок!

Кейт вжималась поясницей в подоконник, а со щёк её и в самом деле сбежала вся краска.

– Что происходит? – напирала на неё Молли. – Это же я. Я вернулась. Особый Департамент агроменную бумагу написал, что всё в порядке! А все, на кого я ни гляну, трясутся, чуть из панталон не вываливаются!

– О-оста-авь меня-а, – простонала несчастная Кейт. – Я-а сейчас в о-обморок...

– Какие ещё обмороки, Кейти! – рассердилась Молли. – Что за чепуха, отвечай толком, не то...

– И-и-и-и, – тихонько завывала Кейт, сползая на пол, словно ей подрубили ноги. – Только... только не трогай меня!

– А ты дело говори, тогда и не трону!

– Ты была в Особом Департаменте-е... твою семью арестовывали... А вдруг у тебя... у тебя... она... эта самая...

– Ну, была я там! Они меня проверяли, если хочешь знать! И проверили, и отпустили! И нет у меня ничего, никакой «этой самой»! И сонной болезни нет тоже! Она вообще не заразная, папа мой говорит! А уж он-то знает! И вообще, перед ним даже Особый Департамент извинился!

– М-мало ли что извинился... – проямлила Кейти.

– Чего «мало ли»?

– А где ты вообще была? – вдруг выпалила Миддлтон.

– Как это «где»?! Была на бронепоезде, потом в лесах, потом меня егеря подобрали... У Кейт забегали глаза.

– П-послушай, Моллинэр... а... а ты... ты и варваров небось видела?

Молли сощурилась. Кажется, это был её шанс слегка сбить спесь с любительницы великосветского гламура.

– Ну, видела! Чего их не видеть-то? И с бронепоезда видела, и когда с отрядом ходила!..

– А... а какие они? – с неожиданной жадностью спросила вдруг Кейти.

Она по-прежнему сидела под подоконником, но уже не съёживалась. И видно было, что «они» её занимают, весьма и весьма.

– Какие? – Молли пожала плечами. Хотела ответить: «Да такие же, как мы, две руки, две ноги, одна голова» – но вовремя остановилась.

– У-ух какие!.. Высокие, сильные!.. И у них кто с магией, – Кейт вздрогнула, – кто с магией случится, тот, когда его время приходит, прямо на наших бросается!.. И гибнет, представляешь? Вместе со всеми вокруг! Ужас ужасный!

Молли выпалила это единым духом и сразу же пожалела. А ну как лорд Спенсер решит, что она... занимается тут пособничеством врагу?

– Ага, ага, я слышала, – горячо зашептала Кейти. – Ещё когда «Геркулес» осенью подбили!..

– Ты? – Молли вытаращила глаза. Зазнайка и задавака Миддлтон сумела её-таки удивить. – Ты слышала? Да с каких это пор тебя бронепоезда интересуют?!

– У меня кузен на «Гекторе»! – обиженно задрала нос Кейти.

– А он что же, никаких варваров никогда не видывал? И тебе не рассказывал?

– Он младший механик на паровозе, не его дело на них глядеть! Ему нужно, чтобы машина работала!

– А-а... ну, тогда конечно. В общем, варвары – они, конечно, варвары, но... ничего себе так!..

Последнее Молли добавила специально для Кейти.

– Видела я там – издалека, конечно, – одного молодого мага, мальчика такого, тоже очень ничего себе так и вообще весь из себя!

У Кейти заблестели глазки. Верно, упоминание о «молодом маге», который «весь из себя», затронуло какие-то особенные струнки у неё внутри, потому что Кейти вдруг захлопала ресницами и почти что нормальным, хотя ещё и слабым голосом осведомилась:

– Что, правда? И в самом деле весь из себя?

– Весь, весь, – подбоченилась Молли. – Расскажи мне сперва, что тут творится, а я тебе расскажу, что ещё со мной было!

– Что ту-ут, что тут... Да ничего тут... Ты вон на бронепоезде каталась, варваров видела...

– Ну и что, что каталась?! Дальше давай, Кейти! Что из тебя каждое слово клещами тянуть нужно!

– Ты пропала... никто ничего не знал... – Кейти вдруг всхлипнула. – Многие думали – у тебя сонная болезнь... или ещё чего хуже... Полиция в школу приходила, опрашивали всех – тоже никто ничего не знает...

– Ну, так дальше-то что? – напирала Молли. – Ну, приходили, ну, расспрашивали. Мало ли про кого что расспрашивают!

– Так то ж полиция была! – Хорошенькое личико Кейти страдальчески сморщилось. – Слухи всякие пошли... что ты – в *плохих* кварталах... что ты... ой-ой, нет, я такого и выговорить не смогу!.. Что ты... с... с...

– Никаких «с... с...»! – сердито оборвала её Молли. – Ну, болтали, что я в Нижнем городе, в кварталах вдоль реки, так и что же? Там тоже люди живут, Кейт! Потом-то что?

– Потом уже не полиция пришла, а Особый Департамент, – округлив глаза, шептала Кейт, по-прежнему сидя прямо на полу. – Расспрашивали про тебя, опять же. Кто, чего, как. Не видели ль чего за тобой странного. Ну, все сказали, что странного в тебе видели столько, что хоть отбавляй...

– Н-да? Это чего ж такого странного-то?

– Н-ну-у... – замялась Кейт, – ты ж не как все... Тебе эти бронеходы подавай, корабли какие-то...

– Ну тебя, глупая, – рассердилась Молли. – Говори толком, что дальше было! Что Особый Департамент ещё про меня говорил?

– Чтобы мы следили, – выдавила Кейти. – Чтобы следили, если ты вдруг появишься, чтобы сообщили им немедленно, если кто тебя заметит... Ещё говорили, что у тебя... может... магия появиться, что ты в монстра превратиться можешь, в любой момент, ы-ы-ы-ы!

– Превратиться? Я? В монстра? Я? Вот просто так, в любой момент?! – Молли упёрла руки в боки. – А вы так и поверили, курицы безмозглые? Меня Особый Департамент про-

верял, дурочка ты с переулочка! Поняла, нет? О-со-бый Де-пар-та-мент! Чего ж тебе ещё надо?!

Обычно обидчивая Кейти словно и не заметила насмешек.

– Да-а, – протянула она, глядя на Молли и хлопая глазками, – у нас знаешь, что говорят? Что магик может очень-очень быстро оборотиться, вот только что был он как все, а в следующий миг всё уже горит и пылает, так что никакой Департамент не успеет!

– А-а, поняла, – медленно протянула Молли. – Вы, значит, боитесь, что магия во мне всё-таки есть и в любую секунду рвануть может?

Кейт быстро-быстро закивала.

– Уж не думаешь ли ты, что Особый Департамент ошибиться может? – Молли грозно нацелилась в одноклассницу пальцем.

– Всякое говорят, – отвернулась та. – Кузен мой рассказывал, про одного такого магика сообщали-сообщали в Департамент, а там только отмахивались, дескать, некогда нам. А потом тот магик ка-ак рванул! Сперва чудищем обернулся, с железными косами вместо рук, невесть сколько людей покалечил, а потом и вообще сгорел!.. И целая мастерская на Пятой Миле вместе с ним!..

– Ты кузену своему скажи, пусть не болтает лишнего, – прошипела Молли, понижая голос.

– А ты, Моллинэр, мне тут не указывай! – Кейти внезапно оправилась, вскочила на ноги. Молли быстро обернулась – точно, за спиной собиралась стайка подружек мисс Миддлтон. Явить перед ними слабость та никак не могла, сожрут без масла.

– И не воображай! – петушилась Кейт. – Я сама знаю, что магии в тебе ни на пенни! Подумаешь, фифа! Фр-р! – И мисс Миддлтон широким шагом почти что бросилась к подружкам, наблюдавшим за ней и Молли вылезшими на лоб глазами.

– Беги, беги, больно ты мне сдалась, ненормальная! – крикнула вдогонку Молли. Собственно, она и не собиралась хватать несчастную одноклассницу.

Тут как раз прозвенел звонок, и пришлось торопиться в класс.

...После школы Молли шла домой – всё как всегда. Уже несколько дней длилась её «свобода», а она по-прежнему решительно не знала, что делать.

Но с каждым не днём даже, а часом всё сильнее давило предчувствие готовой вот-вот разразиться грозы. А что гроза разразится, Молли не сомневалась.

Дома её встретила бледная, запуганная мама. Нет, ничего не случилось, она теперь всё время была такая. Вокруг мамы сутилась Фанни, залихватски подмигнувшая Молли.

– Крыса опять, мисс Молли, вот миссис Анна и испугалась. Эх, эх, где ж наша Дианато потерялась...

Молли прикусила губу и отвернулась. Ди не возвращалась. Последний раз Молли видела свою кошку, когда та молнией метнулась прочь от вцепившихся в девочку департаментских – и с тех пор Диана как сквозь землю провалилась.

Молли не хотела верить, что её верная спутница окончила жизнь на рельсах паровика или под колёсами локомотива. Нет, для этого Ди была слишком умна и хитра. Она не потерялась во время всей долгой дороги вместе с Всеславом и Волкой через горные леса, не ступала под обстрелом – и исчезла здесь, в родном Норд-Йорке?

Девочке хотелось верить, что кошка всё равно вернётся. В нужный момент.

Это помогало не разреветься всякий раз, когда Молли вспоминала о Диане.

– Мойте руки, мисс Молли, – чувствуя неладное, поспешно сменила тему Фанни, – и я буду подавать полдник.

– Спасибо, – выдавила из себя Молли. Есть ей не хотелось совершенно. – Мама, как вы себя чувствуете?

– Плохо, Молли. – Мама даже опустила всегдашнее «мисс». – Давит в висках, голова кружится... в глазах всё двоится...

– Миссис Anne нужен отдых, – категорически заявила служанка.

– Нет, нет, я... я и так всё время отдыхаю... – прошептала мама, закатывая глаза. – Должно быть... я болею...

Молли стало нехорошо. А что, если мама от страха за неё и в самом деле заболит? И... и... ой-ой... нет, про «и» лучше не думать!

– А папа? Что говорит папа? Он же доктор!

– Мистер Джон считает, что миссис Anne лучше всего помогло бы длительное морское путешествие или же пребывание на водах, – поджала губы Фанни. – Но, разумеется, миссис Анна никуда не собирается уезжать одна!

Мама закатила глаза и закинула ладонь тыльной стороной ко лбу. Наступило молчание.

Да, папа прав, думала Молли. На воды... или в путешествие... на огромном, словно настоящий замок, пароходе... с зимними садами, бассейном, танцевальным залом... просыпаться каждый день и видеть бескрайний простор тёплых ласковых морей... площади и крыши чужих городов Галлии, Иберии, Иллирии...

Ей вдруг очень-очень захотелось уехать. На мгновение, пока Норд-Йорк не потянул обратно, сильно и властно, напоминанием обо всём несделанном и незавершённом.

– Мойте руки, мисс Молли, – подвела черту служанка. – Жизнь не останавливается...

* * *

Жизнь не останавливалась. Молли, в любимых штанах и свободной рубашке – мама теперь вообще почти не обращала внимания, во что и как одета её старшая дочь, – сидела с книжкой под газовым рожком, искоса наблюдая за братцем Билли, опять устраивавшим грандиозное сражение посредством оловянных солдатиков подле жарко пылавшего камина.

Вся семья была в сборе.

Мама полулежала в кресле, а Фанни негромко читала ей вслух какой-то мелодраматический роман. У папы в кабинете весело стучала, пыхтела и фыркала паровая пишущая машинка; совсем недавно ушёл папин пациент, вышедший в отставку по ранению молодой офицер-механик.

Молли прислушивалась к их разговору. В конце концов, визит в Пушечный клуб только завтра, «правдивые сведения», кои сам лорд Спенсер велел ей добавлять к «донесениям», не помешают.

– Слышали о бедняге Листере, доктор? Да, да, о Крейге Листере, он был лейтенантом в пятом егерском батальоне?

– Я слышал, он пропал без вести, Пол. – У папы в кабинете зазвякали инструменты. – Прошу вас, посидите смирно... расслабьтесь... так, антисептик...

– Ну да, пропал без вести, доктор. Но как пропал?

– Не знаю, Пол. Я не так близко знал пятый батальон, это ведь уотерширцы?

– Да, доктор Джон, они самые. На днях ко мне в мастерскую зашло их трое, выбирали новое снаряжение – говорят, весенняя кампания вот-вот начнётся...

Молли наострила уши.

Весенняя кампания? Вот-вот начнётся? Ка-ак интересно...

– М-м? – Папин тон был тоном настоящего доктора, обязанного поддерживать приятную беседу с пациентом, могущим заплатить за услуги. – Кампания? Весенняя? Вы так думаете?

– Да, доктор, но я сейчас не про это! Они мне рассказали про Листера... как он пропал...

– Значит, он не пропал без вести, получается?

– В том-то и дело, доктор! Один из егерей, Майкл Корс, купил у меня левое наручье с выстреливающимся шипом и выкидной нож, да и говорит, этак странно на меня глядя, – мол, не хотел бы я, чтобы мне таким голову отрезали, как бедолаге Крейгу. Я говорю, мол, он же пропал! А они мне все сразу: да ничего он не пропал! Голову ему отрезали! Я удивился, понятное дело, потому что тогда он и впрямь не «пропал», а «пал в бою», совсем другая статья, и родне пенсия. Неужели, думаю, скрысятничали наши полковники, позарились на вдовьи фартинги? А Корс мне и говорит – сам, мол, видел, попали Листеру в грудь из чего-то вроде дробовика, крупной сечкой, разворотило всего, не жилец был парень. Хотел он – Корс то есть – его вытащить... или, по крайней мере, мне сказал, что хотел. И тут – представляете, доктор? – откуда ни возьмись, старуха страшная из мглы – а там туман был – выступила, медведь с одной стороны, волк с другой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.